

A promotional image for the movie 'ЦЕНА ОГНЯ' (Price of Fire). It features Nikita Kirilov, played by Nikita Pogosyan, in the center. He is wearing detailed, dark metal armor with a red cape draped over his shoulders. He holds a long, ornate sword diagonally across his chest. The background is a city street in a post-apocalyptic setting, with tall buildings, some with greenery growing on them, and a hazy, orange-tinted sky suggesting a sunset or sunrise. Small, glowing orange particles are scattered in the air around him.

НИКИТА КИРОВ

ЦЕНА ОГНЯ

ТОМ 2. ДЕТИ ЛЕВИАФАНА

Никита Киров
Цена Огня. Том 2.
Дети Левиафана
Серия «Цена Огня», книга 2

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68970786
SelfPub; 2024*

Аннотация

Старый мир сгорел дотла, а на его руинах появился новый. Технологии в нём запрещены, разумные машины гниют в подземных убежищах, а люди сражаются мечами и копьями вместо бомб и ракет. Молодой рыцарь и изгой пробираются через земли врага, чтобы вернуться домой. Попадутся – убьют на месте. Зато у них есть ключ к оружию, способному возродить старый мир... или уничтожить его навсегда.* * *(У серии есть приквел – Замок Короля Пауков)

Содержание

Часть 7. «То, что я люблю»	4
Глава 7.1	4
Глава 7.2	14
Глава 7.3	31
Глава 7.4	45
Глава 7.5	56
Глава 7.6	66
Глава 7.7	72
Глава 7.8	82
Глава 7.9	96
Глава 7.10	112
Глава 7.11	119
Глава 7.12	124
Глава 7.13	139
Глава 7.14	145
Конец ознакомительного фрагмента.	151

Никита Киров

Цена Огня. Том 2.

Дети Левиафана

Часть 7. «То, что я люблю»

Глава 7.1

Людвиг держал голову прямо и старался не опускать, иначе отец разозлится ещё сильнее. А он и так зол, хотя и не повышал голос. Только швырнул кубок в стену, когда увидел этот позор. Красное вино стекало вниз.

– Не подумайте, что у меня нет денег на оплату ваших услуг, – сказал отец, чеканя каждое слово. – Вы получите всю оставшуюся сумму, как и оговорено контрактом. И не подумайте, что я сомневаюсь в вашей компетенции, мастер. Вы лучший в своём деле, но даже вам не под силу научить этого безрукого лентяя хоть чему-нибудь.

Отец показал на Людвига.

– Я не могу думать о вас плохо, милорд, – ответил мастер Рейм со своим обычным, немного смешным, выговором. – Но, надеюсь, вы не разозлитесь на старика, если я кое в чём

с вами не соглашусь.

Отец нависал над учителем, но Рейм смело глядел в глаза.

– Говорите прямо.

– У этого, как вы сказали, безрукого, всё же две руки, – мастер улыбнулся и поклонился, легко, но уважительно.

– Чтобы научиться фехтованию, нужно нечто большее, чем две руки, – отец сжал губы. Злится ещё сильнее.

– Тут я с вами согласен, милорд. Нужны ещё две ноги и хотя бы один глаз. А у вашего сына их два.

– При всём уважении, мастер, – отец послал свой самый ледяной взгляд. – Он занимается у вас три месяца, но за всё время научился только падать и получать удары. Разве это не говорит о том, что ему не суждено освоить фехтование? И ладно, если бы он старался, он же не старается. Мальчишка вообще редкостный болван, даже читать не умеет. Если это не дано, зачем тратить время?

– Я думаю, милорд, занятия следует продолжить. Три месяца, разумеется, показательный срок, но парню нужно многому научиться. Ведь он же, как вы говорили, хочет попасть в Огненную кавалерию.

– Его дед это хотел. Мальчишке там не место. Итак, ваш ответ, мастер?

– Я за то, чтобы продолжить уроки. Я уже стар и не буду искать другого ученика.

– Как угодно, – отец развернулся и ушёл быстрым шагом. Мастер Рейм поклонился вслед. Людвиг опустил голову и

уткнулся в колени. Безрукий лентяй и болван. А ведь он так надеялся, что сможет добиться хоть чего-нибудь. Он не пропустил ни одного урока, делал все упражнения и много бежал, чаще и больше, чем требовал мастер. Приходилось даже вставать на час раньше, чтобы всё успеть. Но это напрасно, отец прав, это не дано. Непрошенные слёзы текли всё сильнее. Если Рейм скажет об этом отцу, вечером будут неприятности.

– Ну и что ты сел, старина? – спросил мастер. – Мы с тобой только начали.

– Я ничему не научился, – сказал Людвиг сквозь слёзы. – Всё зря.

– Так и есть, – подтвердил Рейм. – А знаешь почему?

– Почему?

– Потому что у тебя нет таланта, старина! Только талантливые люди добиваются успеха. Я вот родился с мечом в руке, а фехтовать научился раньше, чем ходить. Могу срезать мухе любое крылышко на лету, в темноте, с завязанными глазами и ушами. А ещё могу победить десять рыцарей, не получив ни единой царапинки. А твой дед командовал войсками с самого детства, даже не отрываясь от материнской титьки, а первую победу одержал, когда ещё был в утробе. Разумеется, это дар, полученный с рождения.

– Смеётесь? – спросил Людвиг, шмыгнув носом.

Рейм улыбнулся.

– Все говорят, что я безнадежен. Мой учитель тоже так

думает. Сказал, что всегда распознаёт дураков и неучей.

– Это то напудренное старое чучело? – мастер фыркнул, – Я тебя умоляю, да он дальше своего покрытого бородавками носа ничего не видит. Распознаёт он. Он не может распознать дерьмо на своих туфлях! Помнишь, он наступил в кашку и притащил во дворец, а твой отец это увидел и...

– Я помню, – Людвиг рассмеялся.

– Может быть талант и существует. Я знал тех, кто достигал за несколько месяцев то, на что у меня уходили годы. Но увы, у меня таланта нет.

– Да ну! Вы же мастер!

– Я умею больше тебя, потому что я старше и опытнее. Со временем и ты научишься. Я изучал фехтование так же, как и ты, – Рейм сел рядом. – Ходил к учителю и он меня колотил меня деревянным мечом. А это больно, – мастер усмехнулся. – Однажды я спросил, как можно научиться чему-нибудь, если он всегда побеждает, а я валяюсь, как побитая псина?

– И что он ответил?

– Ничего, – Рейм пожал плечами. – Просто ударил меня ещё раз. Злобный старик, который любил бить детей. Но после него никто не смог задеть меня клинком. Вот поэтому такие, как мы с тобой, должны учиться. Мы должны смотреть и видеть, мы должны верить только своим глазам. Мы должны уметь наносить и отразить любой удар. Но для этого нужно учиться.

– И сколько вы учились?

– Я учусь до сих пор! – воскликнул мастер. – Я занимаюсь фехтованием всю жизнь, но с каждым годом понимаю, как мало знаю на самом деле. Я знаю только каплю, а того, чего не знаю – целое море. Ты знаешь ещё меньше и только от тебя зависит, сможешь ли ты узнать больше.

– Но я...

– Тебе нужно выучить многое. Мы изучаем очень древнюю науку, которая старше Старого мира. И она не стоит на месте. Ты должен продолжать учиться каждый день, как это делаю я. Учись не только у меня, но и у остальных. Тогда эта наука не устоит перед тобой. И помни, что молодые фехтовальщики ложатся в могилы намного чаще старых, мало кто доживает до моих лет. А теперь вытри лицо, и мы продолжим. Или мне послушать твоего отца и взять деньги?

Людвиг вытер слёзы и высморкался.

– Я буду учиться, мастер.

– Молодец, – Рейм поднялся. – Я научу тебя тому, что знаю сам и что может пригодиться, когда станешь рыцарем. Это не только фехтование, но и тактика, стратегия, логистика, всё остальное. Научу всему, кроме одного, самого важного: как отличить добро от зла. Я и сам это не знаю. Дам лишь один совет, когда возьмёшь меч в руки, то подумай, будешь ли потом жалеть, что использовал его или не использовал?

– Я запомню.

– Держи это в голове. А что важнее всего в фехтовании?

– Работа ногами

– Видишь? Ты не безнадёжен, – мастер Рейм одобрительно улыбнулся.

Странно было видеть мастера Рейма во сне. Людвиг немного поспал на удобном сидении, пока древний транспорт вёз их к цели. Этот короткий сон – настоящая милость, которая позволила отвлечься от событий утра и не думать о том, в кого он превратился.

Всего за пару часов тёплое летнее солнышко обратилось в раскалённого монстра, выжигающего землю лучами. Людвиг отошёл в тень и снял кирасу, горячую, как печь. Эйнар стоял на солнцепёке, рассматривая путевой камень.

– Ну и куда дальше? – спросил Людвиг, жуя травинку.

– Я думаю, – ответил северянин.

– Ты это уже говорил.

Древний транспорт остановился под землёй и пришлось немного поплутать в туннелях, пока не нашли проход наружу. И вот здесь начались проблемы, уже сколько они стоят у этого путевого камня. Людвигу ничего не говорили выбитые названия, но вот Эйнар слишком уж долго раздумывал.

Он нарисовал карту на песке.

– Так где мы? Ты уже понял?

Нордер кивнул. Людвиг вздохнул, но сдержался, чтобы не сказать что-нибудь обидное.

– Ты заблудился?

Северянин мотнул головой.

– Мы попали не туда, куда хотели?

– Да. И нет.

Людвиг шумно выдохнул через нос. Надо терпеть и не злиться.

– И что это значит?

– Мы вышли туда, куда нам показывали.

– И?

– Но это место не там, где я думал. Из-за этих береговых линий я перепутал, – Эйнар тяжело вздохнул. – Извини.

– Значит, мы в другом месте, – Людвиг попытался говорить спокойно. – Так бывает, – он выдавил улыбку, надеясь, что она не выглядит слишком нервной. – Ты знаешь, где мы?

– Да.

– И в какую сторону нам идти?

– Я думаю, – нордер одним движением ноги стёр карту и швырнул палочку на землю.

Людвиг медленно вздохнул и отвернулся. Если и дальше придётся тянуть слова клещами, он точно не выдержит.

– Эйн, кроме тебя путь никто не найдёт. Где мы?

– В Беллите.

– В Беллите?

– Я перепутал, – оправдывался Эйнар. – Я...

– А где именно мы находимся? Мы что, вернулись?

– Мы... я думаю...

Людвиг едва сдержался, чтобы его не треснуть. Он пнул лежащий на земле камешек, подняв кучу нагретой пыли.

– Ты не можешь быстрее думать? Мы же не рядом с тем полем, где встретили аниссаров?

– Нет. Оно в одном дне пути на восток.

– День пути? Да ты издеваешься?

Столько тащились и всё зря? Лишь бы не разораться, истерика не поможет. Надо думать, как выпутаться из этого дерьма. Людвиг прижал колечко к груди. Надо успокаиваться.

– Послушай, – сказал Эйнар. – В этом, конечно, есть и моя вина...

– Есть и твоя вина? – вскричал Людвиг не выдерживая. – Есть и твоя вина? Да это и есть твоя вина! – от крика заболело горло. – Ты сказал, что именно сюда нам надо! Я же тебя переспросил!

Он сжал кулаки. Здесь нельзя кричать, они на вражеской земле.

– Не мог подумать получше? – он заговорил тише. – Мы шли, как два кретина, угодили по пути в каждую жопу, и это для того, чтобы вернуться туда, откуда начали? И что, повторим? Стража проведем? В Грензен зайдём? Может, в Фоллерволт ещё заглянем? Ты не соскучился по виселице?

Нордер покраснел.

– Если бы ты держал себя в руках, этого бы не случилось! – Эйнар подошёл вплотную. – Если бы не начал рубить направо и налево...

– Я...

– Не мог, что ли, дослушать Анхеля, а не устраивать сце-

ны, истеричка? Даже времени не дал подумать, лишь бы оружием помахать. Да если бы ты не прикончил тех молокососов, мы бы...

– Лучше помолчи, – прошептал Людвиг. Воздуха не хватало. – Я за тебя вступился.

– Я не просил устраивать кровавую баню. Прикончил людей, как ни в чём не бывало, а ещё...

– А ещё я убил твоего друга, – он взял нордера за ворот жилета и подтянул к себе. – И если не заткнёшься...

Эйнар попытался вырваться, но не смог.

Нечем дышать. Рейм был прав, злость поглощает слишком много энергии. Людвиг выпустил нордера и сжал кольцо в кулаке, чуть не поддавшись порыву зашвырнуть украшение далеко-далеко. Да что этот идиот несёт? Зря ты с ним связался, островитянин, так говорили водоходы на дрэке, изгой трус и неспособен разделить с тобой поражение и вину. Нет, поддаваться ярости нельзя, нужно уметь с ней жить.

– Я сказал лишнее, – произнёс Эйнар.

Не может даже нормально извиниться. Как же хочется ему врезать.

– Куда нам идти?

– В Лефланд. Мы рядом с ним.

Бушевавший в груди огонь так и норовил вырваться, но Людвиг сдержался. Только это становится всё сложнее и сложнее.

– Слушай, прошло достаточно времени, почти месяц, –

сказал Эйнар. – Вряд ли здесь до сих пор рыщут патрули. Мы сможем пересечь границу уже завтра.

– Да они знают, что отец отступил туда. Они там всё должны так обложить, чтобы даже мышь не проскочила.

– Если до них дошла весть, что островитяне вторглись в Стурмкурст...

– Так быстро? Вряд ли.

Людвиг посмотрел на солнце. Почти вечер, но всё равно жарко, как перед грозой.

– В какую сторону? На север?

– На север, – подтвердил нордер. – Там пустыня, будет сложно, но есть дороги, за несколько дней управимся. Или можем пойти тем же путём, что и...

– И опять месяц?

Нет, тем же путём идти нельзя, это долго и слишком много они наделили. Лучше рискнуть. И, всё же, разговор с отцом переносится, хоть одна хорошая новость. Может не возвращаться? Нет, надо вернуться. И он обещал нордеру дом. Надо сдерживать слово, хотя как же хочется накостылять этому тупице.

– Пошли, – сказал Людвиг.

Глава 7.2

Молчание тяготило. Почти месяц они провели в разговорах, обсуждая всё, что приходит в голову: Старый мир, родные места, недавние события. Болтали об истории, известной её части, о государствах, правителях, древней технике и оружии. О женщинах, хотя Людвиг стеснялся и краснел, об окружающих землях, о выпивке и еде. Эйнар учил парня читать, а тот взамен показывал, как драться топором и мечом.

А теперь рыцарь совсем ушёл в себя и его невозможно разговорить.

– Знаешь, кто это? – спросил Эйнар, когда они стояли на обочине, пропуская солдат.

Следом за марширующими колоннами армии короля Ангварена и не очень ровными рядами аниссаров шли наёмники, конные и пешие, вооружённые чем попало, не соблюдая никакого построения. Их много, некоторые глазают на путников, но мрачный вид Людвига отбивает у них желание связываться с рыцарем. Замыкали шествие солдаты с ружьями сложной формы и в шлемах, на которых закреплены красные стеклянные наглазники.

– Боденские стрелки! Самое смертоносное войско в мире после армии Левиафана. И самые дорогие.

Людвиг пожал плечами. Воины шли мимо и им наплевать, кто стоит на обочине. Тут всё кишит войсками, все куда-то

идут и не всегда в одну сторону. Но это не повод расслабляться.

– Грабитель, – прочитал островитянин на табличке, когда чуть дальше по дороге они наткнулись на висельников, облюбовавших толстое дерево. – Мародёр. Насильник. Шпион.

– Верно, молодец! – воскликнул Эйнар. Прозвучало слишком наигранно. – Королевское правосудие тут стремительное.

– Угу, – рыцарь опять ушёл в себя.

– Раз столько войск уходит, значит, пепельники идут на помощь Стурмкурсту.

– Угу.

Можно пойти следом, но рано или поздно кто-нибудь задастся вопросом, кто они такие, а незнание любой очевидной для местных вояк вещи может погубить их двоих. А ещё там могут быть знакомые аниссары, и вряд ли новая встреча будет приятной.

На ужин доели бруски, которые подарили роботы на прощание. Людвиг так и молчал. А вот нечего было напоминать о тех дворянчиках и остальном. Надо извиниться, но Эйнар засыпал и решил, что обязательно сделает это утром.

Утром он не извинился, и они молча продолжили путь. Только рёв желудков разрывал дурацкую тишину. Еды не предвиделось. Скоро придётся идти через пустыню, но лучше не напоминать об этом, чтобы не разозлить всё ещё злящегося рыцаря ещё больше. Где бы взять еды и воды?

– Почти все деревья срублены, – Эйнар показал на широкую просеку. – Смотри, какой толстый пень. Дуб, не иначе.

Людвиг пожал плечами.

– Не зря говорят, что Ангварен это королевство Пепла, – пошутил Эйнар. – И тут всё вырубил.

Парень молчит, только смотрит куда-то в сторону.

– Битва была за тем лесом, – сказал он. – Мы проезжали это место перед боем.

– Хочешь посмотреть?

– Нет. Говорили, что рядом есть деревня.

Людвиг опять замолчал. Неплохо бы перекусить в той деревне. Главное, не сунуть им эндлерейнские деньги, как в тот раз. Надо набрать воды и купить еды здесь, потому что в Лефланде всё слишком дорого. Золотые монеты там принимают по весу, а все сха достались капитану затонувшей галеры.

Вырубленных пней становилось больше, а за вдаль виднелся дым от очагов.

– Похоже на военный лагерь, – сказал Людвиг, когда они подошли ближе.

Нет, это деревня, но сравнение меткое. Вокруг аккуратных и новеньких, судя по свежим брёвнам, домов выстроен частокол с маленькими башенками. Ворот нет, вход перегораживали рогатки из заточенных кольев. За ними стояли люди, непохожие на солдат, в шляпах и одежде из ангваренских фабрик. У каждого знаменитые плотные штаны, в которых ходили Эйнар и Людвиг. Местные вооружены тяжёлыми

топорами, которые больше напоминают инструмент, чем на боевое оружие. Но у конопатого паренька длинное копье, а у плешивого пузана фитильный мушкетон, расширяющийся к дулу.

– Кто такие? – спросил конопатый. У него тяжёлый ангваренский выговор. Откуда здесь пепельники? Поселенцы?

– Путники, – ответил Людвиг. – Идём на север.

– На север?

Деревенские начали шептаться:

– Что им там надо?

– Вдруг они из этих?

– У него рыцарские доспехи.

– Посмотри на их рожи? Оба в шрамах. Точно бандиты.

– Да не могут они быть одними из них, – сказал мужчина, обмахивая потное лицо шляпой. Судя по самому большому пузу и двум подбородкам он тут главный. – Они же идут с юга.

– Нам нужно пройти, – сказал Людвиг.

– Не велено, – ответил пузатый мужчина, ещё раз оглядел рыцаря и добавил неуверенным голосом: – Милорд.

– Нам разбойники покоя не дают, – сказал поселенец с ружьём. – Мочи уже терпеть нету, вот мы и огородились. Нельзя туда идти.

– Мне нужно пройти, – отчеканил рыцарь. – И вы не можете меня задерживать.

Эйнар взял его за локоть.

– Поищем другой путь.

От перегретой кирасы несло жаром, как от костра, но сам островитянин кипятился сильнее. Он высвободил руку.

– Нам велено никого не пропускать, – пузатый мужчина начал озираться по сторонам, ища подмоги.

– Или вы нас пропустите, – Людвиг положил руку на меч. – Или...

– Давай уйдём отсюда, – умолял Эйнар. – Пожалуйста.

Крестьяне напряглись. Неужели опять будет резня?

– Кто там пришёл? – раздался окрик с таким же ангваренским выговором, как у всех.

К ним подошёл, прихрамывая, высокий мужчина с самыми шикарными усищами, которые Эйнару только доводилось видеть. Роскошные усы с зачёсанными вверх кончиками тронула седина, но мужчина кажется ещё крепким. Хоть он и одет в штаны и рубаху, такую же, как у всех, по нему заметно, что он не обычный крестьянин. И дело не только в висящих на поясе коротком мече и устрашающего вида булаве. Мужчина подошёл к рогатке и вытер пот на висках.

– Кто вы такие, добрые сэры? – спросил он, поднимая руку в знак приветствия.

– Я сэр Эммерик из Фоллерволта, – назвался Людвиг. – А это мой друг, Губерт из Грензена.

Соврал без запинки, но перепутал. Эйнар должен был представляться Эммериком, а Людвиг Губертом. Так они договорились после того, как покинул гостеприимный Фоллер-

ВОЛТ.

– Эммерик? – мужчина откашлялся, посмотрел на Людвига повнимательнее и представился: – Я сэр Дитрих из Латенрайна, рыцарь-предвестник панцирной кавалерии Его Величества короля Отто.

Он пожал руку Людвигу, Эйнар удостоился небрежного кивка.

– Могу я узнать, куда вы направляетесь?

– На север, – Людвиг показал надетое кольцо. – У меня священный обет, я должен проехать туда.

– Ох, мне жаль, – рыцарь-предвестник расстроился. – Я бы вам с радостью помог, но дорога перекрыта по моему приказу. Ущелье на севере кишит бандитами, а когда королевская армия ушла, они совсем обнаглели. Могут начать штурм в любой момент. Если я вас пропущу, вы не сможете проехать через них.

– А кто нападает? – спросил Эйнар и прикусил себя за губу. Пусть лучше говорит Людвиг, он же рыцарь.

– А кто их знает, бандиты да бандиты, – Дитрих пожал плечами. – В другое время это бы не было проблемой, но когда из всего гарнизона только такой бесполезный старик, как я... Через эту деревню лежит единственный путь из ущелья на севере. Единственный безопасный, леса вокруг прокляты.

Радиация, тут угадать несложно. Эйнар сдержался, что не достать межер у всех на виду. От одного из домов шёл запах свежеспеченного хлеба, такой сильный, что желудок заре-

вел.

– А вы же из Стурмкурста? – спросил Дитрих. – Должно быть, странствующий рыцарь?

Людвиг кивнул.

– А вы уже слышали про островитян? Ладно, это потом, – пепельник поправил роскошные усы и повернулся к поселенцам. – Вы что, бестолочи? Где ваше гостеприимство? Разве не видите двух усталых странников? Накормите милорда рыцаря и его друга, да предложите отдохнуть!

– Простите меня, – пузатый мужчина поклонился, смотря немного с опаской. – Не желаете ли пообедать, милорды?

– С радостью, – ответил Людвиг.

Даже не спросил мнения Эйнара. Он бы не отказался, но стало немного обидно.

* * *

В доме старосты, пузатого мужчины в шляпе, ещё пахло свежими опилками. Внутри просторно, окна закрыты настоящим стеклом. Людвиг снял раскалённый доспех и насквозь мокрую куртку с кольчугой. На спине видны белые пятна от пота.

– Деревня выглядит новой, – он уселся за чистый стол и провёл рукой по гладкой доске. Даже прикасаться приятно. – Будто её построили совсем недавно.

– Можно и так сказать, – ответил староста, вешая куртку на крюк в стене. – Островитяне сожгли половину домов, когда отступали после разгрома. Пришлось повозиться, эти

леса... они сложные, многие деревья прокляты, надо уметь выбирать чистые.

– Островитяне прошли здесь?

– Вся армия. Битва же рядом с нами была, несколько часов отсюда. Тут гарнизон сидел, всё шутили, что долину надо называть теперь не долиной Горящих сердец, а могилой Потухших.

– Отличная идея, – буркнул Эйнар, усаживаясь рядом и кладя топор на столешницу.

– Вот после битвы островитяне бежали в ущелье через нас.

– А много жителей погибло? – спросил Людвиг.

– Спаситель защитил, нашли хорошее место, чтобы спрятаться.

– А как вы живёте, если леса прокляты.

– Милорд, мы из гильдии лесорубов! – староста ударил себя в грудь. – У нас даже грамота от короля есть! Мы умеем жить в таких местах, у нас и дети здоровыми рождаются. Но тут непросто, да. Деревня чистая, лес поблизости тоже хороший, колодцы с водой мы проверяли, а вот в дальних лесах опасно. Да и в ущелье нельзя задерживаться дольше, чем на день, а жить уж тем более.

– А разбойники давно вас донимают?

– Нет, – староста почесал нос. – Как только из деревни ушли воины, так бандиты сразу пришли...

– Милорд Дитрих нам помог, – жена старосты поставила

на стол котелок с чем-то дымящимся.

От голода свело желудок. Людвиг отвернулся и посмотрел на какие-то старые тряпки в углу, чтобы не видеть, как женщина разливает аппетитную похлёбку. Ещё немного и он бы отобрал котелок и начал есть прямо из него. Зря угрожал деревенским, вроде славные люди.

– Милости прошу, – староста поклонился.

– Ульрих, выведи его, – шепнула жена.

– Совсем забыл! – он хлопнул себя по лбу. – Старик, проваливай! Господа обедать будут, не порти аппетит. Простите, милорд.

Этой горой тряпок оказались два человека, старик с клюшкой и болезненно худой паренёк. Оба, одетые в рваные обноски, мирно дремали, когда староста их не разбудил.

– Простите меня, милорд. Он недавно припёрся, мы его кормим по очереди. Сейчас прогоню.

– Оставьте его, хозяин, – сказал Людвиг. – Он не мешает, пусть сидит.

– Как угодно вашей милости, – староста выдохнул, раскланялся и ушёл вместе с женой.

Людвиг забросил в рот слишком много и обжёг нёбо за верхними зубами. А они богатые, раз едят мясо и белый хлеб, вряд ли только староста так шикает. Похлёбка слишком пересоленная, а куски морковки недоварены, но после дня голода на такие мелочи не стоит обращать внимания. Людвиг глотал, почти не жуя, отвлекаясь, чтобы вытереть бе-

гущий с лица пот. Эйнар склонился над миской и быстро работал ложкой.

– Приходите ко мне, святой отец, – пробурчал старик, кого-то передразнивая. – Я вас накормлю, горячую воду приготавлию. Чтобы я сюда ещё раз пришёл? Тьфу!

– Ты вявенник? – спросил Людвиг.

– Прожуй сначала, – подсказал нордер.

– Ты священник?

– Да я тут единственный слепой, – старик показал пальцы, усеянные кольцами разных цветов. Белые глаза, на которых не видно зрачков, говорили сами за себя.

– Старая вредная жопа, – шепнул Эйнар.

– Я, может, и слепой, но не глухой. Сам ты жопа.

Северянин усмехнулся и продолжил есть. Паренёк, сидящий рядом со священником, натянул грязную соломенную шляпу до глаз. Сальные волосы отросли до плеч и закрывали лицо, видны только тонкие губы, которые парнишка постоянно кусал. Если присмотреться, то он кажется постарше, может, одного возраста с нордером. Паренёк заметил взгляд Людвига и тут же уставился в пол.

– А вот его пугать не надо, – сказал священник. – Он мои глаза, с ним я и хожу по миру, рассказывая истории.

– И о чём? – спросил Эйнар.

– То, о чём интересно слышать людям. Об Очищении и о том, как Старцы продали мир. И об ошибках прошлого, конечно. Люди почему-то любят, когда их пугают, что тяжёлые

времена повторяются.

Нет уж, об ошибках прошлого слушать не хочется. Эйнар вытянул указательный палец, большим взвёл воображаемый курок и прицелился в висок. Людвиг тихо фыркнул, вспоминая безвременно почившего отца Мецгера. Главное, чтобы этот дед не был хотя бы вполовину таким злобным.

– И как пойдём? – спросил Людвиг, жуя ещё тёплый хлеб.

– Посмотрим, – нордер зажал рот рукой и сдержал отрыжку. – Надо замерить, сколько тут... потом обсудим.

Он украдкой включил межер. Светится зелёным. Людвиг зевнул и положил голову на стол. Вот бы теперь поспать, да не на земле. Лучше бы днём, пару часиков.

– Старик, – Эйнар повернулся к священнику. – А ты видел разбойников?

– Да ты шутник? Очень смешно, обхохочешься. Нет, я их не видел. Но треск их костей слышался издалека. Рыцарь повеселился.

– Он один отбил нападение?

– Как говорят, если дело правое, то Спаситель придёт на помощь. А мне приходилось видеть, как свершается божественное правосудие.

Это очень развеселило нордера, и он захихикал. Священник ухмыльнулся.

– Смейся-смейся. Помощь Спасителя – хорошо, а булава и толстая броня ещё лучше.

– А кто твой спутник? – Людвиг убрал прилипшие к щеке

крошки.

– Он называет себя Васур, – слепец дотронулся до парня и тот вздрогнул. – Хороший человек, но кроме меня ни с кем не говорит. Зато если видит, что у кого-то доброе сердце, то обязательно поможет. Верит в Спасителя по-настоящему. Но для этого жестокого мира Васур слишком доверчив и наивен.

Снаружи послышался мощный командирский голос, а через несколько мгновений сэр Дитрих вошёл в дом. Всё же он рыцарь Пепла, вдруг что-нибудь заподозрит? Надо было уходить сразу, но на голодный желудок думалось иначе.

– Проверял посты, – сказал рыцарь-предвестник извиняющимся голосом и поставил булаву у порога. – Жду ещё одного нападения.

– Они уже атаквали? – спросил Людвиг.

– Было дело. Пару раз пробовали нас на зубок, но я и Старый Герберт живо их угомонили.

Дитрих показал на свою чудовищную булаву и сел поудобнее, вытягивая правую ногу в сторону.

– Но даже вдвоём тут непросто. Вы же видите, что творится. Войска уходят. Я посылал к местному анвальту, но у него нет людей, всех отправили к Побережью. Хорошо, что он хотя бы разрешил остановить вырубку и готовиться к обороне. А вы из Стурмкурста, я правильно запомнил?

– Да, – подтвердил Людвиг.

– Так вот почему мне знаком ваш выговор, – старый ры-

царь засмеялся. – Так уж вышло, что я тут единственный, кто умеет сражаться. Но эти земли теперь принадлежат Ангварену, а эти люди подданные короля Отто, я клялся их защищать. А вы, – Дитрих расправил пышные усы и пристально взгляделся в Людвига. Будто знал, кто перед ним сидит. – А вы идёте в земли Детей Левиафана?

– Сэр Дитрих, я не могу вам сказать, – Людвиг опять показал кольцо.

– Вы же говорили, точно. Простите. С тех пор как получил по башке, память совсем дырявая, – предвестник тронул старый шрам на лбу, почти незаметный.

– Пуля? – с видом знатока спросил Эйнар.

– Пуля? – Дитрих захохотал. – Не, пивная кружка. Вообще, у меня к вам серьёзный разговор, – он в который раз расправил усы.

– Я слушаю.

– Вы же странствующий рыцарь. Вы клялись защищать людей, мирных, слабых и просящих о помощи. Хотя конечно, я не назову этих поселенцев слабыми, они-то крутого нрава. Ни один солдат в гарнизоне не рискнул бы тронуть их дочерей, – Дитрих расправил воротник. – Нет, не так. Это, конечно, Ангварен, а вы из другой страны, но люди в беде. Я прошу вас отложить ваше дело хотя бы на несколько дней. Но ваше дело, наверное, тоже очень важное.... но если бы вы могли помочь мне выстроить оборону, это же не займёт много времени. Вижу, что вы уже побывали в переделках,

вдруг бандиты увидят ещё одного рыцаря и испугаются. Хотя вряд ли, здесь единственный безопасный путь на юг и они будут прорываться. Но если разбойники победят, то убьют всех жителей.

Дитрих покраснел от натуги.

– Я вообще не умею произносить речи. В армии проще, меня все знают, любой бы помог, если бы остался кто. А вы-то меня впервые видите. Но я всё же прошу вас задержаться на несколько дней и исполнить свой долг, сэр Эммерик.

Дитрих вытер пот.

– У меня друга так звали, – он тягостно вздохнул. – Не то я хотел сказать, совсем не то.

– Всё нормально, сэр Дитрих. Конечно, честь рыцаря вызывает о том, чтобы помочь, но...

Людвиг собирался сказать, что его поручение важнее и ему нужно идти дальше, но промолчал. В последнее время происходит что страшное. За эти дни он проспал всего несколько часов, засыпая только под утро. А когда засыпал, то не видел ничего, кроме кошмаров. А то, что он натворил... всё перевернулось вверх дном. Может быть, стоит остановиться и прийти в себя? Он же сам мечтал помогать беззащитным, вот и шанс. Эти люди враги, но их дома сожжены его же соратниками, а ещё нападают бандиты. А раз он научился убивать, то, может, стоит обратить меч против тех, кто заслуживает смерти? Тот бой был почти месяц назад и несколько дней ничего не изменят. Всё равно отец будет

взбешён.

Старый рыцарь терпеливо ждал ответа.

– Я помогу вам, сэр Дитрих.

Эйнар закашлялся, пуча глаза от возмущения. Людвиг устыдился, что забыл спросить его мнения.

– Я вам так благодарен, сэр Эммерик, – Дитрих поднялся. – И я...

– Если позволите, я хочу перекинуться парой слов с моим другом.

– Разумеется! Я выйду и...

– Мы снаружи поговорим, – Людвиг посмотрел на священника. Не самый лучший свидетель.

Эйнар вышел первым и сел на бревно, лежащее в тени. Взгляд не предвещал ничего хорошего. Лишь бы опять не поссориться. Людвиг сел рядом.

– Ты меня даже не спросил, – зашипел нордер.

– Извини.

– Что на тебя нашло, Виг?

– Давай останемся, Эйн.

Эйнар насупил брови.

– Зачем? Решил поиграть в рыцаря?

– Я и есть рыцарь, – Людвиг ответил резче, чем собирался. – Но не в этом дело. Просто... я запутался. Кажется, что всё становится только хуже и хуже, и всё это моя вина. Может, если мы останемся... хоть ненадолго... это же будет правильно?

– И что в этом правильного?

– Помогать людям, защищать слабых.

Эйнар усмехнулся, но улыбка быстро исчезла.

– А, так ты не шутишь? От тебя-то я этой чуши не ожидал, ты же с головой дружишь, – нордер обернулся по сторонам и зашептал. – Это пепельники, Виги, они твои враги. А сам рыцарь? Помнишь того, шепелявого?

– Я помню, но ведь сами-то люди не враги мне. А он не узнает, если мы будем молчать.

– Уверен?

Людвиг вздохнул.

– Я больше не выдержу, Эйни. Эти сны... когда я наконец-то засыпаю. То, что случилось вчера, я так и думаю об этом. Когда я злюсь... – он кашлянул. – Я будто падаю и некуда зацепиться. Мне кажется, что я схожу с ума. Может, нужно остановиться? Сделать что-то правильное, хорошее, – он потёр глаза. – Я боюсь того, в кого я превратился. Даже на тебя срываюсь. Прости. Но если я помогу кому-то... может, тогда они перестанут мне сниться? Наши навредили здешним, вдруг это знак, что мне нужно загладить вину? Я запутался, Эйни, и не знаю, что делать дальше. Извини, что не спросил.

Эйнар смотрел перед собой, о чём-то раздумывая.

– Знаешь, если разберёмся с бандитами, то, наверное, сможем пройти через ущелье на север.

Людвиг не выдержал и рассмеялся.

– Ты чего? – нордер посмотрел с недоумением.

– Вот ты и нашёл причину, чтобы помочь. Как всегда.

– Иди в жопу, Виги, – Эйнар заулыбался и легонько стукнул Людвига в плечо. – Если думаешь, что тебе станет лучше, то давай останемся. Тебе же потом оправдываться, где ты пропадал. Делай как знаешь. Лишь бы кормили. Главное, чтобы тот мордатый ничего не узнал. Видел, какие у него шикарные усы?

– Видел. Спасибо, брат, – Людвиг растрепал ему волосы. – Мы не задержимся надолго.

– Надеюсь.

Глава 7.3

Рыцари обсуждали тактику, сидя в тени дома. Дитрих изобразил на земле что-то, похожее на гигантскую задницу. Если это план деревни, то рисование, определённо, не самая сильная сторона рыцаря Пепла.

– Поселенцы прибыли сюда после начала войны за Беллитское наследство, – Дитрих попробовал сесть так, чтобы не беспокоить правую ногу. – Они умелые лесорубы, работают в проклятых лесах, а древесина нам очень нужна. Беллит был частью Ангварена до Похода Левиафана, так что мы вернулись сюда по праву. Это не устроило Винвалию и местных бунтовщиков, но островитяне тогда ещё не вступили в войну, и мы побеждали. На этом месте раньше была другая деревня, тоже лесорубы.

– И что с ними сделали? – спросил Эйнар, сдерживая зевок. – Перебили?

– Мы же не красные плащи, – возразил Дитрих. – Старые жители бежали с мятежниками. Потом напал Эндлерейн и едва нас не прогнал, но мы всё же разгромили островитян. Вы же слышали о той битве?

– Угу, – сказал Людвиг, даже не меняясь в лице.

– Островитяне уходили через эту деревню, а красные плащи сожгли несколько домов. Не все, к счастью. Не знаю, как герцог договорился с Детями Левиафана, но те пустили энд-

лерейнцев к себе. Жаль, что их там не перебили.

– Значит, никто из жителей не пострадал, когда жгли дома?

Предвестник наклонился к изображению задницы и поставил точку неподалёку.

– Тут есть пещера, говорят, что в ней старинные руины, в них жители и спрятались. Но я там не был.

Дитрих нарисовал что-то длинное, идущее к заднице. Эйнар хмыкнул и отвернулся. Местные, проходящие мимо, смотрят с испугом и любопытством. Зато не спрятали молодых девок, одна, симпатичная, с крепкими загорелыми ногами, то и дело засматривается на них. Нет, она заглядывает только на смазливого Людвига. Ну и дура.

– Бандиты появляются отсюда, из ущелья, деревня расположена как раз у входа. Когда островитяне отступили, мы построили заставу, поэтому разбойники не совались. Хотя в гарнизоне были раненые вроде меня или бесполезные старики, опять-таки вроде меня, – Дитрих засмеялся. – Но островитяне пересекли Лефланд и напали на Стурмкурст. Если хотите знать моё мнение, то в жопу таких союзников, они-то нам не помогают, но король решил их поддержать и отправился на помощь, ничего не поделаешь. Ушли все, но у меня нога так и не зажила, приказали долечиваться. Или намекнули, что старикам там не место.

Он хмыкнул и вытер усы.

– И как только все ушли, заявили бандиты, посреди бе-

лого дня. К счастью, Старый Герберт был под рукой. Проломил несколько черепов, и разбойники сбежали. Потом вернулись к вечеру, я едва отбился. Теперь жду их со дня на день, людей готовлю. Если разбойники хотят на юг, путь только через нас. Мне кажется, что островитяне где-то по дороге скovyрнули их гнездо, вот бандиты и ищут новое место.

– А от этой деревни что им нужно?

– Требуют воду, и чтобы пропустили на юг. Но едва их пустишь, как они нападут, я таких ублюдков навидался.

– Другого пути нет? – спросил Эйнар.

– Только в обход через Лефланд, но там пустыня, поэтому они пробиваются через нас. Можно идти по лесам, но они прокляты, я уже говорил. В ущелье проклятие не такое сильное, разбойники там и остановились. А тут безопасно, есть колодец с чистой водой. Вся зараза в лесах остаётся.

Дитрих поставил на окружающих задницы несколько точек.

– Это посты. Лесорубы плохие солдаты и дисциплины никакой, проверяю их каждый час, чтобы не спали. Тайком сюда никто не попадёт, даже птица не пролетит.

Большая ворона пролетела над ними и каркнула.

– Ну, бандиты пока так не умеют, – предвестник засмеялся. – За ущельем следят люди с собаками, они дадут сигнал. Я ослабил одно место.

Он ткнул пальцем туда, где у задницы должно быть отверстие. Эйнар едва сдержал смех.

– Одно место удобнее оборонять, чем все сразу. Разбойники сюда и полезут, как увидят.

– Думаю, вы правы, – согласился Людвиг. – А сколько у них человек?

– Ох, если бы знал. Надо сходить на разведку, но куда мне, хромоногому? А какие разведчики из лесорубов? Попадутся же, а разбойники с них шкуру срежут.

– Обороняться вслепую опасно, – островитянин вздохнул. – Местные не умеют сражаться?

– Нет, к сожалению, – Дитрих опять пересел, морщась от боли. – Я-то обучать не очень, мне проще булавой орудовать, чем языком. Командовать доводилось, да, но не обучать.

– Какие у нас силы? – спросил Людвиг.

– Четыре десятка взрослых мужиков и с десятков сильных баб. Но они все не солдаты. Храбрые, но никакой дисциплины. Бабы тоже сильные, лес валят наравне с мужиками. Если попадут топором, то мало не покажется. Но смогут ли попасть, в этом вопрос.

– А что оружие? Я видел ружьё и копья.

– Да, есть несколько пик и охотничьи мушкетоны. Ну и Старый Герберт, – Дитрих похлопал по лежащей рядом булаве. – А теперь ваш меч и топор. Шансы уже лучше.

– А откуда у крестьян армейские пики?

– А вот не говорят, стервецы. Я случайно в амбаре нашёл. Это не наши, у нашей пехоты короче. Но не говорят, где взяли, знают, что запрещено иметь боевое оружие. Но это по-

том будем разбираться. Сейчас главное – выстроить оборону, крепкую, как слово аниссара.

Из дома вышел старик, ведомый своим поводырём. Злыдень решил погреть косточки на солнышке. Паренёк не сводит с Эйнара глаз, но постоянно отворачивается. Он мог увидеть межер, или узнать топор и щит. Но здесь поселенцы из Ангварена, у них самих должны быть межеры, раз они работают в радиоактивных лесах. Пепельники не боятся древних теков и часто игнорируют запреты церкви. Но вот у священника выговор другой. Как бы он не начал вести речи о нордерах и опасности старинных технологий. В опасных ситуациях даже неглупые люди способны на всякое, особенно если их подначивать. Но пока слепец и его поводырь молчат. Может и будут молчать, а Эйнар просто паникует от осознания того, что застрял в гигантской жопе, пока Людвигу не надоест играть в рыцаря. Но лишь бы это пошло парню на пользу.

– Ну что, друзья, осмотрим наше войско? – Дитрих встал, опираясь на булаву.

Смотреть на грозную армию не хотелось, но вот участвовать в обороне придётся. Людвиг будет драться за двоих, но ему нужна помощь. Да и надо загладить вчерашнюю ссору.

– Я хочу осмотреть руины, – сказал Эйнар. – Поищу что-нибудь, что может пригодиться.

– Вещи Старого мира – зло, – заявил священник. Началось. Вот религиозного фанатика им не хватало. Но слепец захохотал. – Спаситель милосердный, да всем насрать. Мо-

жет, найдёшь там большого Стража и он перебьёт этих говнюков.

– Хоть со святым отцом нам повезло, – сказал Дитрих. – Другой бы на его месте начал нас проклинать. Знавал как-то одного лицемерного ублюдка, который говорил о добре, судьбе и пути света. Надеюсь, он сдох.

– Идиотов хватает, – священник заулыбался. – Тоже знал одного такого. Но люди напуганы, я вижу это, – он нахмурил брови, но никто не засмеялся. – В такие дни нужно давать им надежду и утешение. Если теки забытого мира могут это дать, то только полный идиот ими не воспользуется.

– Золотые слова, – Дитрих подошёл к странной парочке и похлопал поводыря по плечу. – Ну что, Васур, готов к смотру войск?

Паренёк не только не сжался, но закивал, а через длинные волосы, закрывающие лицо, показалась радостная улыбка.

– Господин... – предвестник о чёт-то задумался. Похоже, он забыл имя.

Эйнар тоже не помнил. Кто он сегодня, Губерт или Эммерик?

– Губерт, – подсказал Людвиг.

– Господин Губерт, тогда осмотрите руины, раз считаете это нужным. Вам помочь?

– Только показать дорогу. Л... Эммерик, можем сходить вместе, как освободишься.

– Нет, – без всяких раздумий ответил островитянин. – Ты

и сам справишься.

Даже если бы сейчас в небе пролетел Великий Дракон Запада, Эйнар удивился меньше. Не потому, что парень отказался, ему и правда некогда, а потому, что он даже не раздумывал.

– Ульрих! – крикнул Дитрих. – Ульрих, иди сюда!

Из дома вышел пузатый староста.

– Ульрих, господин... Губерт хочет проверить руины, отпавь кого-нибудь, чтобы показал путь.

– Руины, – староста сглотнул слюну. – Зачем? Они заброшены, там нет ничего.

– Вот и проверим, – сказал Эйнар.

– Там точно пусто, – настаивал на своём староста. – Только время зря потратим.

– Ульрих, – усталым голосом сказал Дитрих. – Эти господа пришли к нам на помощь и ничего взамен не требуют. И если сэра Эммерика ведёт рыцарский долг, то господин... – предвестник умоляюще посмотрел на Эйнара. – То господин Губерт помогает по велению доброго сердца. Так что заткни пасть, возьми жопу в руки и найди кого-нибудь, кто проводит господина к сраным руинам!

– Да, милорд, – староста даже вытянулся. – Я сам покажу! Только один момент.

Он забежал в дом на минуту и вышел, держа в руке два свёртка. Дыхательные маски? Неплохо. Вряд ли такие хорошие, как та, что разбилась, но всё же лучше шарфа на лице.

Тем более что шарф потерялся.

– Нужно надеть её вот так, – староста напялил маску на себя и завязал узелок на затылке. – Просто воздух там... проклят. Может, передумаете?

– Пошли, – сказал Эйнар.

* * *

– А сколько бандитов напало в прошлый раз? – спросил Людвиг, осматривая строй защитников. Хотя эту толпу сложно назвать строем.

Иногда, когда после занятий фехтования не было сил держать меч, мастер Рейм приказывал расставлять игрушечных солдатиков. Не для этого, чтобы играть, а чтобы позаниматься тактикой. В молодости Рейм был наёмником и, раз дожил до старости, успешным. Он много чего знал о боевой подготовке, расстановке войск, логистике и прочем. Не зря же он снился вчера. Мастер говорил, что если доведётся командовать, во что Людвиг никогда не верил, то важно произвести хорошее первое впечатление на людей.

Вот и приходится вариться заживо в кирасе, чтобы лесорубы увидели рыцаря, а не мальчишку с порезанной мордой. Нужно вспоминать и другие уроки. Людвиг усмехнулся про себя: занятия тактикой – это единственное, в чём отец не проверял успехи сына. Отца не интересовала тактика.

– В прошлый раз напала пара десятков, – ответил Дитрих. – Но стоило прибить нескольких, остальные убежали. Но если разбойники подготовятся лучше... ох, сами видите

это воинство.

Он показал на толпу. Кто-то чихнул и высморкался на землю. Людвиг вспомнил слова Рейма. Одно дело вести в бой подготовленных солдат, другое – неготовых к этому крестьян. Надеюсь, старина, тебе это не доведётся, смеялся тогда мастер.

– Чему вы успели обучить ополчение, сэр Дитрих?

Эти мужчины и женщины кажутся сильными, но насколько их хватит? Что здесь вообще делают женщины? Или в Ангварене так принято?

– Только показал, как стоять вместе и каким концом тыкать. Эй, мужики! – крикнул Дитрих суровым командирским голосом. – И бабы! С этого дня с нами благородный странствующий рыцарь сэр Эммерик, который нам поможет... это самое, – он откашлялся и добавил: – Вот.

– Давайте проверим, что они могут, – Людвиг подобрал шест размером с копьё. – Ты, иди сюда!

– Я? – мужик в шляпе, стянутой на затылок, громко сглотнул и выронил соломинку изо рта. Самый мускулистый и крепкий среди всех, но сейчас он похож на ребёнка, ждущего наказания. – Я?

– Ну не я же, – Людвиг вздохнул. – Покажи мне, как умеешь драться. Сэр Дитрих, я могу попробовать чему-нибудь их научить, но сначала надо посмотреть, что они умеют.

Уроки строевой подготовки давались непросто, но, может, хоть что-то осталось в голове? Рейм говорил, сначала узнай,

что умеют войска, а потом думай, как их обучать.

– Отличная идея, – Дитрих повеселел. – Ну-ка, мужики, покажите сэру рыцарю, чему я вас учил.

– Да иди уже! – прикрикнул Людвиг.

Кто-то вытолкнул парня из толпы.

– Давай Курт, ты же самый сильный, – сказала какая-то женщина, но Людвиг не видел.

– Чуть полегче, мой друг, – шепнул Дитрих на ухо. – Против рыцаря им не устоять, да им это и не нужно. Лишь бы держали строй, пока мы делаем всю работу.

Людвиг бросил шест, парень попытался поймать, но палка огрела его по голове. Кто-то засмеялся.

– Курт, так и будешь тут торчать, как утренний стояк? – спросил предвестник. В строю захохотали.

– А чего надо делать? – парень дотронулся до отбитого лба.

– Представь, что это копьё, а я разбойник, – сказал Людвиг. – Уколи меня хотя бы раз. Да посильнее.

– А если я вас убью? – спросил лесоруб. На светлой клетчатой рубашке расплывались следы пота.

– Тогда заберёшь мои доспехи, а сэр Дитрих посвятит тебя в рыцари, – Людвиг улыбнулся, а предвестник захохотал. – Но этому не бывать.

– Дерись, Курт, – раздался тот же женский голос. – Будешь рассказывать внукам, как сражался с рыцарем.

Парень сжал палку так, что побелели пальцы и начал под-

бираться, очень медленно. Людвиг подобрал деревяшку покороче, размахнулся и сделал ложный выпад. Лесоруб от испуга выронил шест и сел на задницу. Остальные засмеялись.

– Вот об этом лучше внукам не рассказывать, – веселилась та женщина.

– Достаточно, – Людвиг посмотрел на смеющегося громче всех бородача со свирепой мордой. – Теперь ты. У тебя топор, им, что ли, будешь драться?

– Я всю жизнь с топором. К нему привычнее.

– Враги не деревья, – раздался знакомый женский голос. Людвиг присмотрелся, но опять её не увидел. – Они не будут ждать, пока ты их срубишь.

– Верно. Возьми палку и дерись.

Бородач вышел, поплевал на ладони и перехватил шест. Удар такого здоровяка должен быть мощным, вполне способен убить. Но слишком медленный. Людвиг уклонился, одним пинком вышиб палку и ткнул лесоруба в пузо.

– Всё понятно.

Бородач ощупывал живот руками с таким видом, будто получил мечом.

– Ну ты что, Альфред? – женщина расстроилась. Голос молодой. – Можешь же и лучше.

– Да ты сама попробуй, – огрызнулся бородач.

Она вышла из толпы, расталкивая мужиков, и подобрала с земли шест. А эта девица стройнее остальных присутствующих здесь женщин, которые отличаются от мужчин только

отсутствием бород. И высокая, почти доставала Людвигу до носа.

– Ханна, а отец разрешил? – спросил Дитрих.

– Никуда он не денется – ответила она. – Я-то хотя бы знаю, с какой стороны у копья остриё. В отличие от остальных. И стрелять умею.

– Обязательно спрошу отца, – старый рыцарь нахмурился. – Это Ханна, дочка старосты, Ульриха. Всё говорит, что её учили сражаться. Проверьте её, пожалуйста, только осторожно.

– Ну и что ты умеешь? – спросил Людвиг.

– Меня учили владеть копьём и мушкетом, – Ханна ухмыльнулась. – С чего начнём?

– Копьё.

– Она у нас специалист по копьям, – заржал кто-то из лесорубов.

– До такого копейщика, как ты, мне далеко, – ответила дочка старосты под новый взрыв хохота и встала в стойку.

Шест она держала в своих тонких руках, а ровные загорелые ножки стояли почти правильно. Людвиг прикусил губу и сосредоточился. Девушка уколола, он схватил шест правой рукой и сильно дёрнул на себя. Ханну потянуло следом и притянуло так близко, что Людвиг услышал её дыхание и разглядел родинку на шее.

– Неплохо, – он выпустил палку. Хорошо, что у его кирасы есть набедренники, скрывающие самое важное, а то вышло

бы неловко. – Бьёшь почти как мужчина.

– Вы тоже, – сказала дочка старосты и тут же зажала рот рукой.

– Ханна, – Дитрих укоризненно покачал головой. – Так нельзя.

– Я другое имела в виду, извините. – оправдывалась она.

Но едва заметная лукавая улыбка намекает, что сказано ровно то, что нужно. В строю кто-то тихо засмеялся. Шутка неплохая, надо не забыть рассказать её Эйнару. Но первое впечатление Людвиг провалил, раз лесорубы смеются над ним, а не с ним. Придётся поработать.

– В первую очередь, никаких топоров! – сказал он как можно грубее. – Они не подходят для боя в строю. Только копья. Кому не хватит, пусть сделают себе новые и обожгут кончики на костре. Сэр Дитрих, среди бандитов есть те, кто носит броню?

– Только их главарь, – ответил старый рыцарь. – Но мы сами его прикончим.

– Копья – лучшее оружие для строя. Начнём учиться прямо сейчас. Пехоту Леса я из вас, конечно, не сделаю...

Людвиг прикусил язык. Вот так и прокалываются на мелочах. Только в Эндлереине отряды Стальной Гвардии называют Лес, Огонь и Ветер. Если Дитрих это знает...

– Лес – это же зелёные плащи Эндлереина? – спросил рыцарь Пепла. – Да, лучшая пехота в мире, знаю на собственной шкуре.

Он засмеялся и похлопал себя по бедру. Людвиг вытер лоб. Откуда в нём столько воды, что он столько потеет?

– Ну давайте, мужики, – Дитрих встал перед строем. – Чтобы слушались сэра Эммерика, как и, собственно, меня самого. А потом убьём этих ублюдков, да?

– Да! – ответил нестройный хор лесорубов.

– А когда о вас такая слава пойдёт, то никакие бандиты не сунутся!

Они закричали громче и восторженнее. Людвиг также шёл в первый бой, уверенный в победе и собственных силах. Знал, что может умереть, но не верил в это, до тех пор, пока над головой не просвистело пушечное ядро, а залпы не выкосили большую часть крыла. Защитники должны понимать, что произойдёт, нельзя им лгать.

– В бою всегда трудно и страшно, – сказал Людвиг. – Кто-то из вас может погибнуть. Враг окажется напротив вас, готовый убивать. А когда воткнёте копье ему в брюхо, оттуда вместе с кровью вывалится дерьмо.

Улыбки сельчан медленно гасли.

– Но если вы не сделаете это, он сделает это с вами. А потом сожжёт дома, изнасилует женщин и перебьёт детей. Если не хотите, чтобы это случилось, то начинаем прямо сейчас. Победа – ваш единственный шанс.

Улыбки не вернулись, но в глазах лесорубов засветилась решимость. По крайней мере, им есть за что сражаться. Дитрих поднял большой палец вверх.

Глава 7.4

Эйнар осмотрел маску, Внутри пропитанная чем-то шерсть, а воздух попадает внутрь через клапаны. Хитро, надо позаимствовать парочку. Старинная маска, которая разбилась, была удобнее, но придётся пользоваться этими.

– Откуда у вас такое? – спросил он. Голос приглушался и пришлось повторять.

– Пфсиссави иф авфавена, – ответил староста и стянул маску на подбородок. – Прислали из Ангварена, закупили на мануфактуре. Без таких тут не выжить.

– Ваши знаменитые мануфактуры, да?

– Да, милорд.

В лесу слабое заражение, но тем, кто работает здесь круглый год, нужна предосторожность. А вот в самой деревне безопасно, если прибор не врёт. Только как живут разбойники на севере, если там радиация и наверняка нет чистой воды?

– Мы пришли.

Пещера тщательно укрыта ветками и травой. Если не знать, где искать, то и не найдёшь. Староста вошёл первым, подобрал стоящий у входа масляный фонарь, отвернулся и тайком зажёл.

– Можете не прятаться, я знаю, что такое лихтер, – сказал Эйнар.

– А вот местные, когда увидят хоть что-то, сложнее механических часов, то сразу кричат про Вечного, – староста хмыкнул и закрыл коробочку. – Тёмные люди. Вот здесь мы прятались. Идём назад?

– Пошли дальше.

Толстяк убрал маску и пошёл вперёд через запутанные проходы. Он хорошо их знает. Что-то не так. Стоит следить за зловредным мужиком, вдруг он задумал что-нибудь дурное. Может, он заодно с бандитами? Он что-то скрывает, связанное в этих руинах. Вдруг здесь древнее капище забытых богов Старого мира, которым приносят жертвы из числа чрезмерно любопытных путников... какая только чушь не идёт в голову.

– Дальше не пройти, – староста поставил лампу на пол, и зловещая тень отразилась на металлической двери, вбитой прямо в камень.

– Ты ничего не говорил про дверь, – Эйнар заметил панель с кнопками.

– Забыл, – староста по-идиотски хохотнул. – Она всё равно не открывается. Мы тут и прятались.

Эйнар оглядел полуразрушенный зал. Сюда влезет человек двадцать, но только стоя.

– И вся деревня влезла, да?

– Да-да, – староста вытер блестящий в свете лампы лоб. – Было тесно.

– Не сомневаюсь. А уж с коровами так и ещё теснее. И с

лошадьми. И курами.

– Мы их не брали!

Эйнар хмыкнул и подошёл к двери.

– Значит, не открывается? – краем глаза он следил за старостой, но тот стоял на месте и не пытался зайти сзади. На поверхности двери много свежих царапин. – Да, не открывалась лет пятьсот.

У панели нет следов от пуль и нагара, на самой стене и полу отсутствуют отпечатки сожжённого или расплавленного человека. Значит, никто не ставил здесь ловушку или она давно сработала. Эйнар нажал самую большую кнопку. Наверху загорелась тусклая красная лампочка и дверь с душераздирающим скрипом разъехалась.

– Неужели работает? – староста развёл руками. Ему надо в актёры, с его игрой у него всегда будут овощи. Только не всегда свежие.

– А то! Но если ты что-то задумал, то берегись, – Эйнар похлопал по топору.

– Да я бы... да я никогда...

– Иди-ка первым и помни, я слежу за тобой.

Эйнар сделал дурацкий жест, направив средний и указательный палец себе на глаза, потом на старосту. Но толстяка это проняло. Он вошёл первым, освещая лампой ржавые стены.

– Тут могут жить призраки Старого мира, – староста предпринял очередную попытку напугать.

Не работало. Призраков стоит бояться, но не бесплотных существ из дурацких баек, а тех, у кого есть древнее оружие, способное перебить десятки человек за секунды. Здесь нет Призраков. Могут быть Стражи, но и их нет. Зато на полу свежая грязь и отпечатки обуви. У стен стоят мешки.

– Представь себе, мы первые, кто попали сюда за последние пять или шесть сотен лет, – Эйнар заглянул в мешок. – Кажется, убежище построили, чтобы хранить морковь. Хорошее место, до сих пор, как свежая.

Он достал одну и почистил ножиком.

– Смотри, запретные технологии предков, – он показал морковкой на лежащие у стены инструменты. – Выглядят точь-в-точь как лопаты. А вон те похожи на вилы. Важные вещи, раз в Старом мире их спрятали.

Староста не отвечал. Лесорубы используют это место, как кладовку. Но ничего по-настоящему полезного не осталось, даже провода выдраны из стен. Пустая коробка в пещере с до сих пор работающей дверью. Вряд ли кто-то в Старом мире строил это место для хранения капусты и картошки, но лучшего применения сейчас не придумать.

Эйнар хрустел морковкой, осматривая убежище. Оно небольшое, все комнаты забиты бараклом. Осталось заглянуть за последнюю дверь, к которой прислонился староста с таким видом, будто решил передохнуть. Жуткая тайна деревни хранится именно здесь.

– Отойди!

– А? Что? Куда? – староста решил поиграть в дурачка.

– Отойди или хуже будет.

– Зачем? Я... ааа! – толстяк закричал, глядя Эйнару за спину.

Можно оглянуться и получить по затылку от старосты. Можно не оборачиваться, тогда ударит тот, кто стоит за спиной. В обоих случаях будешь выглядеть глупо. Эйнар скользнул в сторону плавным и изящным движением, которого не постыдился бы и Людвиг, и вытащил топор.

– Кто здесь?

У порога стоял длинный и несуразный силуэт, но лампа до него не доставала. Незнакомец приближался, ведя рукой по стене.

– Что ему надо?

– Да это тот дурачок, что ходит за священником! – староста с облегчением выдохнул. – Напугал меня до усрачки.

Эйнар испугался не меньше. Парнишка-поводырь будто их не замечал.

– Он безобидный, но иногда ходит за людьми, совсем без шума. Дурачок же. Иди отсюда!

– Пусть остаётся. А ты отойди от двери!

– Он добрый, но дурачок, – староста держался за последнюю соломинку изо всех сил. – Иногда что-то бормочет, но обычно молчит. По хозяйству, бывает, помогает. Дурачок же.

– Я уже слышал, что он дурачок. Свали отсюда!

Он, наконец, смирился и отошёл. Эйнар нажал на одну из кнопок. Потом на другую.

– Не работает? – староста поцокал языком, не скрывал злорадства. – Ай-яй-яй, как плохо. Идём назад?

Эйнар постучал по панели. Кнопки не работают, провода выдернули давно. Но на створках есть царапины, значит, дверь как-то открывают. И вряд ли здесь сложный механизм, иначе местные бы не разобрались.

Поводырь прошёл мимо и ткнул пальцем в точку, больше походившую на раздавленную муху. Створки двери разошлись и Эйнар без труда открыл их до конца.

– Кто это тебе показал? – староста схватил паренька за грудки.

– Отпусти его или сломаю тебе нос!

Толстяк отошёл на шаг назад. Парнишка сел, закрывая голову трясущимися руками. Лица не видно, только перекошенный от страха рот.

– Успокойся, – Эйнар присел рядом. – Васур, да? – парень кивнул. – Не бойся, если этот свинопотам тебя тронет, я ему задам.

Васур не отвечал, но руки трястись перестали. Он поднялся и начал изучать свои башмаки, выглядящие старше этих руин. Толстяк отошёл как можно дальше. Пора узнать, стоили ли его ужимки тайны, которую он пытался скрыть.

Эйнар вошёл в заветную дверь и присвистнул. Стоили.

– Ого. Хватит на целую армию.

Вот это действительно гора оружия. Копья, мечи и мушкетеры сброшены в кучу, тут же лежат шлемы, части доспехов, пара кольчуг и стёганные куртки, дырявые и окровавленные. Есть даже настоящая рыцарская кираса, только изрешечённая отверстиями от пуль и алебард. И шлем с роскошными перьями и вмятым глубоко внутрь забралом. Лучше не думать, что стало с лицом предыдущего владельца.

– Вы же легко отобьётесь с таким арсеналом.

Эйнар подобрал короткий пехотный меч. Дешёвая сталь, уже ржавеет, на лезвии сколы и вмятины. До дорогого клинка Людвига не дотягивает ни прочностью, ни качеством, ни красотой. Но такой стоит дороже, чем может позволить себе обычный воин, не говоря уж о лесорубе.

– Почему вы не сказали об этом рыцарю?

– Нам запрещено иметь оружие, – староста опустил голову и сел у порога. – Милорд Дитрих очень разгневался, когда нашёл копья. А когда он узнает об этом... Мы боялись, что он уйдёт, а что толку от оружия, если никто не умеет им владеть?

– И откуда оно здесь?

– Когда островитяне отступали, они бросили раненых. Тех, кто не мог идти, оставили у колодца.

– А вы их убили в отместку за сожжённые дома, да?

– Нет, нет, нет! – староста замахал руками. – Ради Спасителя, как вы можете так говорить? Никого мы не убили. Многие сами умирали. Мы умеем лечить переломы и уши-

бы, но не раны от пуль и мечей. Кто умер, мы их похоронили, а остальных забрали аниссары. Но оружие мы успели спрятать.

– Зачем вам оно?

– Пригодится, времена беспокойные.

Староста лукавит. Про раненых звучит правдоподобно, но с оружием не всё так явно. Эйнар подобрал мушкет. Кремнёвый, лучше фитильного, хуже капсюльного. Но капсюльные есть только у Ангварена.

– Порох хоть есть?

– Есть порох, пули и всё остальное.

– Возьму с собой. Если милорд Л... Эммерик научит вас стрелять из этих штук, то отобьётесь. А что там? – Эйнар показал на ржавую дверь у дальней стены.

– Ту мы не смогли открыть.

– Ага, как же.

Если тут хранят оружие, то что же находится дальше? На поверхности полустёртые буквы, их почти не разобрать. Зато видно хорошо знакомую эмблему человека в круглой шляпе. Райдзин Технолоджи, конечно. Пульт кажется исправным, но кнопки не срабатывают.

– Скоро будет смеркаться, – сказал староста. – Эту дверь мы никогда не могли открыть.

Скорее всего, она заблокирована. Попробовать ключ? Эта панель должна его принимать. Эйнар прижал мизинец. Над дверью зашипело.

– Доступ отклонён, – раздался очень хриплый голос. – Вход только для администраторов контрольной группы проекта «Бледный Огонь».

– Спаситель, помилуй, – пробормотал староста и обвёл себя кругом. Выглядит испуганным, значит, слышит это впервые.

В зал вошёл поводырь, с опаской рассматривая оружие.

– А эту дверь ты открыть не сможешь?

Паренёк не ответил. Нет, здесь он бессилён. Кажется, что эта дверь действительно заперта. А жаль, было бы интересно узнать, что внутри. Эйнар развернулся и чуть не подпрыгнул. Поводырь стоял прямо перед ним.

– Ты меня напугал.

– Он всех так пугает, – староста хихикнул.

Васур взял Эйнара за левую кисть, присматриваясь к пальцам.

– Что ты делаешь?

Поводырь знает о ключах? Он отпустил руку, посмотрел на панель и прижал большой палец. Дверь начала открываться, паренёк улыбнулся.

– Ну-ка покажи.

Под грязным ногтем видна знакомая чёрная точка. Ключ, откуда он там? Кто этот парень такой? Васур испугался и начал тянуть руку на себя.

– Да не бойся, я только посмотрел, – Эйнар потрепал его по плечу. – Но кто ты?

Паренёк не ответил, только опустил голову, смотря на истрёпанную обувь. Должно быть это погонщик боевой машины из армии Левиафана, неудивительно, что он сошёл с ума. Хотя он слишком молод, во время Похода должен был быть совсем мальчишкой. Но кто знает, может, тогда и дети управляли оружием?

– Ты молодец, Васур, спасибо, – сказал Эйнар.

Парнишка просиял. Откуда у слепого священника такой поводырь?

Староста вошёл первым и вскрикнул. Неприятные зелёные и красные полосы на стенах освещали комнатку со ржавыми кроватями. На истлевших тряпках покоились кости. Повсюду стояли мониторы, но ни один не работал. Под ногой что-то хрустнуло. Скелет, опутанный проводами, лежал, вытянув руки к двери.

– Спаситель милосердный, – староста нарисовал круг в воздухе.

Васур зажал рот, всхлипнул и побежал наружу, но совсем без шума.

– Что же тут было?

– Он хотел выбраться, – прошептал Эйнар. – Их забыли.

У скелета раздроблены берцовые кости на обеих ногах, но он всё равно полз к двери. Пальцы на одной руке сломаны, от падения с кровати, скорее всего. Черепа остальных смотрели на него, будто ждали, сможет ли он выбраться и позвать на помощь.

– Бедные люди, – сказал староста. – Мы их похороним, чтобы они не злились на нас.

Глава 7.5

– Вы уже воевали, сэр Эммерик? – спросил Дитрих, вытягивая больную ногу.

– В настоящем бою был всего раз, – ответил Людвиг. – Поражение наголову.

Защитники деревни расходились. Этой толпе не поможет никакое обучение. Но зато появилось время скинуть броню, сесть в тени и выпить ледяной воды из кувшина. Правда, от неё сильно ломило зубы.

– Ещё успеете, – сказал предвестник. – Я вот всю жизнь воюю и помню каждую битву. Только битвы и помню.

Он посмотрел на заходящее солнце, а потом на стоящих рядом детей, разглядывающих рыцарей. Их присутствие немного раздражало, малолетки постоянно окружали и требовали показать меч. Людвиг никогда не умел правильно вести себя с детьми и не понимал, зачем вообще с ними разговаривать. Оружие не показывал.

– Вспомнилась одна история, – сказал Дитрих. – Как семь рыцарей защищали крестьян от разбойников. Вы не слышали?

– Нет.

– Рыцари победили, но большинство из них погибло. Но у нас будет не так грустно. Ну-ка идите отсюда! – прикрикнул он на детей, пряча улыбку под усами.

– Покажи булаву! – потребовал голопузый мальчик.

– Ты её вчера смотрел! – рыцарь-предвестник нахмурил брови в притворной злости. – И поднять не смог. Каши мало ешь.

– Я подниму, – похвастался другой.

– Ну попробуй, – Дитрих потянулся за булавой, но посмотрел на Людвига. – Мелкие засранцы, да валите отсюда! Мы же тут разговариваем.

Детишки не отошли далеко. Так и крутились поблизости, будто в деревне нет других развлечений. Может, и правда нет.

– Дома – вот также, куча детей, – пепельник засмеялся. – А я постоянно в походах и не сразу вспоминаю, какие из них мои. Но к делу. Я думаю, может заманить разбойников и атаковать со всех сторон?

– Мы не знаем, сколько их, – сказал Людвиг. – Когда Э... Губерт вернётся, я с ним поговорю. Может, сходим с ним на вылазку.

– Вам лучше остаться. Но насчёт разведки стоит подумать. Да что они творят?

Детишки нашли себе развлечение. Они кидали камни в бегущего куда-то поводыря священника. Увесистый булыжник попал в голову и сбил шляпу. Малолетние злодеи восторженно закричали.

– Стоять! – взревел Дитрих, но не как добродушный здоровяк, а как ветеран множества битв.

Дети замерли, смотря испуганными глазами на рассвирепевшего рыцаря. Поводырь сидел в пыли, закрывая голову и трясясь от рыданий. Предвестник склонился и рассмотрел повнимательнее.

– Вот же тебе досталось. Царапина, но надо промыть. Хорошо?

Дитрих напялил на паренька шляпу, разлохматив волосы. Мелькнувшее на мгновение лицо показалось знакомым.

– Такого я не ожидал, – старый рыцарь стоял перед детьми и говорил строгим голосом. – Он же мухи не обидит! Вашим родителям помогает, слова злого никому не скажет. А вы его камнями! Да как вам не стыдно?

Детям или было стыдно, или они сделали такой вид. Скорее всего, второе. Как по команде, детишки устали на землю, а Дитрих продолжал их укорять. Людвигу тоже стало немного неловко.

– Теперь брысь отсюда! – на этом рыцарь закончил воспитание. – Всё вашим родителям расскажу.

Детки наконец-то убежали. Если бы Людвиг знал, что здесь такие монстры, то подумал бы ещё раз, стоит ли оставаться.

– Вы сегодня здорово вымотались, сэр Эммерик. Отдыхайте, ужинайте, а я проверю посты. А! Вон ваш друг!

Эйнар шёл по улице вместе со старостой, держа что-то в руке. Мушкет?

– Где ты нашёл это? – спросил Людвиг.

Староста открывал рот, как рыба, а нордер выжидал, на губах застыла привычная, чуть кривая ухмылка.

– У них в тех руинах гора оружия, – сказал он. – Копья, мушкеты, шлемы, мечи. Целый арсенал.

– Гора оружия? – Дитрих расправил усы. – Знаешь что, Ульрих. Собирай всех! Сейчас же!

– Вы нарушили закон, – старый рыцарь укорял лесорубов тем же тоном, что и их детишек. – Вы должны были сдать оружие анвальту, а не хранить у себя! Зачем оно вам? Продать хотели?

Лесорубы, как по команде опустили головы и рассматривали обувь.

– Я закрою на это глаза. Раз выпала такая возможность, мы этим воспользуемся. Но если потом вы не избавитесь от него... Горе вам будет, обещаю. Ещё думал, откуда тут копья, а вы мне зубы заговаривали. Принесите всё, что есть, я хочу посмотреть.

– Но ведь уже почти стемнело, милорд, – взмолился староста.

– Мне плевать! – рявкнул Дитрих. – Живо!

Лесорубы разошлись. Рыцарь-предвестник подождал, когда они отойдут и широко улыбнулся.

– А ведь это же отличная новость! С ружьями проще обороняться.

– Пожалуй, да, – Людвиг зевнул. – Но мушкетами нужно

уметь пользоваться, а когда мы начнём стрелять, услышит вся округа.

– Можем обучать по одному ружью, тогда враги ничего не заподозрят.

– Нет, сила мушкетов в залпе, но мы успеем сделать только один. Если бандиты не разбегутся, нам конец. Ближний бой неминуем.

– Будем учить их стрелять и драться?

– В первую очередь копья, потом ружья. Стрелять будут самые меткие, но правильно колоть должны уметь все. Пехота Леса... кхм... зелёные плащи учатся владеть всем оружием... я где-то слышал об этом.

– А вы хорошо знаете их тактику, – Дитрих ухмыльнулся. – Даже слишком хорошо.

Пепельник шутит. Хотя Людвиг и вправду знал тактику Леса. Бронированные гвардейцы умели стрелять, фехтовать, орудовать пикой и алебардой. Всё для того, чтобы гибко реагировать на меняющуюся обстановку в бою. Но они учатся годами.

Их поселили в небольшой домик, совсем новый. Из мебели здесь только табуретка и два тонких матраса. Хотя это всё же лучше, чем спать на земле. Нордер дрых в одежде, раскинувшись во все стороны. Людвиг собирался лечь, но передумал и вышел наружу. Всё равно не сможет уснуть.

Уже стемнело. Так тихо, что слышно шум деревьев. Лесо-

рубь закончили с переноской и, должно быть, спали. Людвиг сел на лавочку и вытянул ноги. Глаза закрывались, но стоит только заснуть, как через мгновение он проснётся с бьющимся от ужаса сердцем.

– Ой, а вы не спите?

Рядом стояла та девушка, Ханна, с лампой в руке. Людвиг чуть не свалился от неожиданности. Он поправил ножны с мечом и сел поудобнее.

– Нет, не сплю.

– А я возвращаюсь, увидела и думаю, пора будить. Ночью здесь очень холодно.

И что ей нужно от него?

– Ну раз вы не спите... – она поправила воротник большой мужской рубашки, которую накинула поверх платья.

И не уходит. Молчание затягивается. Неужели придётся вести разговор? И о чём говорить? Вроде женщины любят комплименты, только их ещё надо уметь делать. Не говорить же, что ему нравятся её ножки? Хотя это чистая правда.

– А вы умелый боец?

Свет лампы слишком тусклый и непонятно, серьёзно дочка старосты это говорит или смеётся? Скорее всего, смеётся. Но нужно что-то ответить. Помощи ждать неоткуда. Неуместное стеснение и неловкость раздражает. После всего того, что довелось пережить, он до сих пор робеет при виде женщины.

– Так себе, – Людвиг пожал плечами. – А ты хорошо вла-

деешь копьём.

Он прикусил губу. Дурак. Идиот. Кретин. Сегодня уже шутили над этой двусмысленностью. Какой же он тупой. Можно лишь надеяться, что сейчас не видно, как он покраснел.

– Муж учил меня обращаться... с копьём.

Да, судя по улыбке, ей нравится издеваться. Не каждый день встретишь такого тупого рыцаря. Теперь Людвиг будет вспоминать это перед сном до конца жизни.

– А ты замужем?

Ну конечно, она замужем, иначе зачем ей говорить про мужа?

– Он погиб, пару лет назад, – её улыбка потускнела.

Можно было догадаться, что она вдова. Замужняя или ещё незамужняя не подошла бы к рыцарю, тем более первой. Тем более к молодому, который весь день на неё пялился.

– Мне жаль, – сказал Людвиг, когда молчание затянулось.

– Не стоит, я давно сняла траур, – Ханна поправила волосы.

Опять неловкая тишина. Лучше бы пойти в бой. У пепельников другие нравы, на острове девушка не подходит для разговора первая. Поэтому Людвиг так редко говорил с ними.

– И как вам наша деревня? – спросила дочка старосты, когда ей, похоже, надоело ждать.

– Вполне ничего. Воздух хороший.

– Но в лесу им лучше не дышать без маски. Да и в лес теперь не сходишь, вдруг они где-то там? Хорошо, что здесь нас охраняют два рыцаря. Ведь рыцари ничего не боятся?

Может, нужно ответить так, чтобы она оставила его в покое?

– Если честно, – Людвиг выдохнул облачко пара. Ночью и правда холодно. – Боюсь до ужаса.

Усмешка погасла. Вот и разочарование. Рыцарям полагается говорить, что их ничего не страшит. Но раз он только и делает, что позорится, то пусть хотя бы скажет правду. Ещё хуже она о нём думать не будет.

– Серьёзно? – она улыбнулась, но намного теплее. – Почему-то меня это радует.

– Почему?

– Не знаю, – она села рядом, Людвиг сдвинулся и чуть не свалился. – Наверное, тем, что не одна такая. А то все храбрятся и делают вид, что им всё нипочём. Но сейчас почти никто не спит от страха. Хорошо, что вы признались. Теперь мне спокойнее.

Неужели он сказал умную вещь? Вряд ли.

– У вас на лице серьёзная рана? – спросила она.

Людвиг почесал шрам на правой скуле. Больше не болит и не тянет.

– Могло быть и хуже.

– Завтра будет обучение с оружием.

– А отец разрешил?

– Он не сможет запретить, – Ханна чуть улыбнулась. – Он мало что мог сделать, даже когда я ещё была незамужней. Такая уж я.

– Вы говорили, что умеете стрелять?

– Да.

– Вот завтра и посмотрим.

– Трудно с нами?

– Непросто, – признался Людвиг.

– Мы упрямые. Но нам не нужно воевать всегда, как вам.

Или вы чем-то ещё занимаетесь, кроме битв?

– Больше и нечем. Мужчины в моём роду или умные и могут добиться всего, или красивые, но не очень способные. А мне с детства твердят, какой я симпатичный.

Она засмеялась, кажется, что искренне. Любимая шутка дедушки не подвела. Поединок даётся тяжело, Людвиг вспотел несмотря на ночной холод. Пот лился даже из ушей. Но всё же это не так страшно, как казалось на первый взгляд.

– Так что приходится заниматься тем, что умею...

Раздался лай собак, а следом за ним громкий и протяжный гул охотничьего рога. Звуки доносились откуда-то с севера. От страха затошнило.

– Стучи во все дома! – приказал Людвиг. – Общий сбор. И найди Дитриха!

Ханна побледнела так, что это видно даже в темноте, но кивнула и убежала. Людвиг влетел в дом, дёрнул за ногу Эйнара.

– Что такое? – нордер спросонья крутил головой.

– Они пришли!

Зато неизвестные бандиты спасли от дальнейшего позора и стыда за тупость и неловкость. Теперь проще, убивай или умри.

Глава 7.6

Эйнар так вымотался, что уснул в одежде. Он не сразу понял, где находится, когда Людвиг дёрнул его за ногу.

– Быстрее! – выкрикнул рыцарь и выскочил на улицу, застёгивая ремни кирасы на бегу.

Защитники толпились у северного прохода. Собаки хрипели, дёргая цепи, но пока никого не видно. Дитрих надел пластинчатый панцирь поверх кольчуги и шлем с плюмажем. На спине закреплён шест с флагом. На белом полотне нарисован чёрный цветок с пятью лепестками.

– Идут! – вопил дозорный, показывая куда-то вдаль.

– Сколько их? – спросил Дитрих.

– Не знаю, много!

– Все в строй!

– Встать плотнее! – крикнул Людвиг.

Но это бесполезно, лесорубы напоминают овец, а не войско. Оружие не поможет, никто не умеет им владеть. Селяне держали копья, несколько человек взяли мушкеты.

– Ты как, брат, готов? – островитянин подошёл к Эйнару и стукнул по плечу.

– Нет.

– Я тоже. Держись ближе. И не рискуй. Я рядом.

Эйнар стоял позади этих доморощенных пикинёров. Его бил озноб, но не от холода. Почему же так страшно? Столь-

ко раз рисковал жизнью, столько раз был на краю гибели. Он участвовал в настоящем бою лишь однажды, но сейчас намного страшнее. Они проиграют, ведь лесорубы не умеют сражаться, а два рыцаря не перебьют всех врагов.

– Что же они завтра не напали? – негодовал Дитрих, поправляя доспехи.

– Скажите им, – Эйнар высморкался и вздохнул. – Скажите им подождать, чтобы мы подготовились получше. Пару недель, чтобы наверняка.

Людвиг засмеялся, захохотал Дитрих, лесорубы успокаивались, услышав смех рыцарей. Но Эйнару это не помогло. Зачем он здесь? Это не его битва. Если бы не островитянин, то...

Луна немного освещала заросшее деревьями ущелье. Это странное место, не похожее на естественное. Не обошлось без древнего оружия. Межер почти не определял радиацию в деревне, но там, дальше, должно быть опаснее. Оттуда доносились крики и ругательства, но ничего не видно, кроме тьмы у подножия деревьев, такой густой, будто туча упала на землю. И эта туча двинулась на них.

– Сколько же их? – пробормотал какой-то лесоруб.

– Целая армия!

– Ну-ка прекратили разговоры! – рявкнул Дитрих. – Копья вперёд! У кого мушкеты, готовимся!

Тьма приближалась. Свет факелов с башен отражается на клинках, а иногда огонь выхватывает чьё-то лицо. Врагов

слишком много. Один из лесорубов начал пятиться.

– Стой на месте, – сказал Эйнар, чувствуя непреодолимое желание выбить мужику все зубы. – Стой на месте или пожалеешь!

Трус собирается бежать, пока другие рискуют ради него жизнью? Возмущение оказалось настолько сильным, что почти погребло под собой страх. Эйнар сдохнет, а эти недомки будут разбегаться? Сдыхать, так всем вместе. Лесоруб сглотнул и остановился.

– Держать строй! – закричал Людвиг. – Если струсите и побежите, вам конец! Вам и вашим семьям!

– У кого ружья, не стрелять! – ревел Дитрих. – Пальнём в упор!

Кто-то принял это за команду и выстрелил. Островитянин дёрнулся и замер, смотря невидящими глазами куда-то вдаль. Только не сейчас. Эйнар подтянул его за шею и начал шептать, чтобы никто не слышал:

– Виг, тебе нельзя паниковать. Без тебя нам конец.

Людвиг посмотрел мутным безумным взглядом. Лицо заблестело от пота. Парень боится. Нет, он в ужасе. Если кто-нибудь обернётся и увидит, испугаются все. И погибнут.

– Дыши! Вечный тебя дери, Виги, дыши!

Он вздохнул, глубоко, несколько раз. Туман в глазах не рассеивался, но хотя бы появилось осмысленное выражение.

– Я справлюсь, – сказал он и покрутил кольцо на пальце. – Мы справимся.

– Идиот! – возмутился Дитрих. – Вот теперь стреляйте! Огонь!

Выстрелил ещё один мушкет. Третий зашипел и начал дымить. Стрелок, непонятно зачем, развернул ствол и посмотрел внутрь. Выстрел разнёс голову и подбросил шляпу, но это уже мало кто заметил. Атакующие вбежали в проход, прямо на копья.

– Держать строй!

Враги врезались в лесорубов. Защитники кололи вперёд, не целясь. Разбойники так близко, что видно их глаза. Строй то отходил, то напирал. Эйнар оказался чуть ли не в первом ряду. В ушах звенело, кровь прилила к голове. Только бы не оцепенеть. Кто-то ткнул древком в бедро. Небритый мужик резанул чем-то, похожим на ржавую косу, по груди, но даже не смог распороть кожу на жилете. Мужик замахнулся ещё раз, но его голова куда-то исчезла. Что-то горячее брызнуло в лицо. Появившийся рядом Дитрих захохотал и обрушил окровавленную булаву на следующего.

Давили со всех сторон. По затылку прилетело палкой. Все кричали и Эйнар кричал со всеми. Живот скрутило так, что хотелось облегчиться прямо здесь. Толкнули в спину и вдруг стало слишком свободно и холодно.

Нужно вернуться в строй, но уже поздно. Кто-то пробил жилет, но лезвие ножа застряло в броне. Только бы не оцепенеть. Эйнар ударил противника рукоятью топора в лицо и вспомнил про щит. Враг застонал, из сломанного носа брыз-

нула кровь. Надо его прикончить. Факел осветил лицо нападающего. Слишком молодой, непохожий на бандита. Рука с топором остановилась.

Паренёк пришёл в себя и ударил ножом, наотмашь. Обожгло правое предплечье, по коже побежала кровь, горячая в этой холодной ночи. Эйнар вскрикнул и рубанул. Топор остался в голове, дрожащая рука не смогла его удержать. Парнишка упал навзничь.

– Сзади! – крикнул Людвиг.

Бандит, заросший как медведь, сбил Эйнара с ног и размахнулся, намереваясь добить копьём. Но рыцарь успел первым. Разбойник закричал, держась за разрубленную кисть. Людвиг рубанул ещё несколько раз, затем взревел, подобрал копьё и пригвоздил врага к земле.

– Отступаем! – закричал воин в ржавой кольчуге, вооружённый топором и круглым щитом.

Разбойники убегали в лес, воин ушёл последним. Селяне их не преследовали. Они стояли, направив копья на проход. Несколько человек стонали. Кто-то плакал.

– Брат, ты цел? – спросил Людвиг.

Лицо перемазано кровью, но он не ранен. Эйнар кивнул. Настоящая боль в руке только начиналась.

– Ждём новой атаки! – кричал Дитрих. – Раненых назад, остальные в строй!

Пепельник хромал ещё сильнее, чем раньше. Он споткнулся о тело убитого Эйнаром паренька, наклонился и вы-

рвал топор с таким отвратительным хрустом, что кого-то из лесорубов стошнило.

– Отличный удар, господин Губерт.

Старый рыцарь протянул оружие. Эйнар взял левой рукой, сначала сложив щит. Никто даже не обратил внимания на древний механизм.

Правая рука тряслась и от этого болела ещё сильнее. Убитый паренёк лежал в луже крови. Эйнар ждал, когда придёт сожаление, испуг, обвинения самого себя и понимание, что ничего не исправить, как в тот раз, когда он прикончил лорда Губерта, чьё имя сейчас носит. И когда убил самого первого, того, кого нельзя было убивать. Но нет никакого сожаления. Ничего. Ещё один труп. Есть только боль в руке и озноб от холода.

– О Спаситель, – над мёртвым пареньком кто-то склонился. – Такой молодой. Да упокоится его душа.

– Не сильно моложе меня, – сказал Людвиг. – Лучше помогите раненым.

Глава 7.7

Людвиг не мог вспомнить, когда спал нормально в последний раз. Дома, скорее всего. Сегодня уже вряд ли удастся уснуть, скоро утро. Деревня тоже не спала, люди слишком возбуждены и обрадованы. Среди лесорубов погиб только один человек, который отстрелил себе голову, ещё шестеро раненых. Надо попросить Эйнара, чтобы их осмотрел, только нордер куда-то запропастился.

Он смыл кровь ледяной водой, которая неплохо взбодрила, и решил наточить меч, раз уж не спит. Бой прошёл хорошо, намного лучше, чем ожидалось. Но этот приступ паники чуть всё не испортил. Страх, а после ярость, холодная и расчётливая, требующая уничтожить врагов. Сколько убито сегодня? Трое? Нет, одного добил Дитрих, не считается, но двое ушли с опасными ранами и вряд ли протянут долго.

– И теперь не спите, милорд? – спросила Ханна.

Людвиг уронил меч и кинулся поднимать. Опять робеет, становится жалким и неловким. Какого Вечного? Хорошо, что в бою страшно и некогда думать о девушках.

– Если это сон, то он не заканчивается, – Людвиг силой прижал задницу к скамье.

Ханна улыбнулась, но как-то нервно. Она была в строю среди остальных, вооружившись мушкетом, правда, ни в кого не попала. Странные нравы у пепельников, в Эндлереине

женщин к оружию не подпускают.

– Когда они нападали раньше, было не так страшно, – сказала она. – К такому, наверное, нельзя привыкнуть?

Людвиг пожал плечами и принялся отвязывать кольчужные вставки от плеч. В темноте кровь не так видна, но расцветает и брызги заметны сильнее. Придётся стирать, да и починка не помешает, куртка пережила немало.

– Давайте помогу! – Ханна развязала узелок. – Можем постирать ваши вещи.

– Да что ты, не надо. Я как-нибудь сам.

– А что, рыцари сами всё делают?

– Вообще-то, нет, – Людвиг улыбнулся. Когда он намекнул об этом Эйнару в начале путешествия, нордер едва его не прикончил. – Но в дороге приходится.

– Снимайте-снимайте, – настаивала девушка. – Куртку, да и рубашку тоже. Вы сражаетесь за нас, неужели мы вам не поможем?

Хоть не требует снять штаны. Но когда Людвиг начал расстёгивать рубашку, немало этим смущаясь, он заметил кое-кого странного.

– Кто это?

Полосатый зверёк с белой грудкой, похожий одновременно на кролика, крысу-переростка и щенка, запрыгнул на заборчик и пошёл в их сторону.

– Вы про кого?

– Вон же он!

– Это кот.

– Кот? – Людвиг посмотрел на зверя, потом на Ханну. – Но ведь коты... они же хищники! Большие и свирепые.

Кот прыгнул с забора, потёрся о ногу девушки и понюхал пальцы Людвиг.

– Не шевелитесь, – зашептала Ханна. – Это тоже хищник, лучше его не злить.

– А если он нападёт?

Кот ткнулся головой в руку.

– Я умею с такими обращаться, – Ханна подхватила зверя за живот. – Вы разве не видели кошек?

– Никогда. Дедушка как-то привозил с охоты огромную шкуру, я её поднять не мог.

– У нас много кошек в Ангварене, а тут почему-то нигде нет. Мы его из дома привезли.

Кот смотрел на Людвиг немигающими зелёными глазами.

– Точно не нападёт?

– Нет, – она посадила кота ему на колени. – Главное, не вставайте, пока не уйдёт.

Зверёк покрутился, вылизал лапу и прилёт, выпустив когти в штаны. Коготки острые, но вряд ли они способны серьёзно ранить человека.

– А он не ядовитый?

Ханна задумалась.

– Этот нет. Смотрите.

Она взяла Людвиг за руку, отчего у него сжалось сердце, и провела ею по голове кота. Зверёк издал странный звук и начал дрожать и хрипеть, выпуская и пряча когти.

– Он рычит? Что он делает?

Кот начал давить лапами на бёдра, хрипя громче.

– Не останавливайтесь, – Ханна посмотрела на него, зажала рот, потом не выдержала и засмеялась.

– Что такое?

– Ничего-ничего, гладьте, только не против шерсти.

Людвиг водил рукой по спине кота. Похоже, девица опять издевается и этот зверь неопасный. Ханна слишком близко, её тепло чувствуется даже через одежду. В нос бьёт собственная вонь пота. Нордер был прав, когда говорил, что мыться нужно каждый день. Сраный чистюля. Надо попросить кого-нибудь нагреть воды.

– Ладно, не буду вас мучить. Погуляй, – девушка забрала кота и поставила на землю. Зверь покрутил хвостом и лёг набок. – Унесу ваши вещи. И рубашку тоже давайте.

Людвиг вздохнул и неловко снял одежду через голову.

– Ещё увидимся, милорд Эммерик, – попрощалась Ханна и улыбнулась.

* * *

Рана неглубокая, неопасная, но как же болит. А от воспоминания о ржавом ноже бросало в дрожь. Хуже заражения крови только радиация. Пузырёк с мазью закрыт слишком плотно и никак не поддаётся, одной рукой не получается от-

крыть.

– Сука!

Подвернувшийся под ногу табурет полетел в стену. Эйнар едва перевязал рану, помогая зубами, потом рухнул на матрас. Нож прошёл по предплечью и локтю, теперь всё это дико болело.

За окном послышался смех, тупой рыцарь кадрит девку с её сраной кошкой. Если бы не его заскоки, они бы уже пришли в Лефланд.

– Давай им поможем, – прошипел Эйнар и пнул табурет ещё раз, – Они же беззащитные. Да иди в жопу, говнюк!

Боль не успокаивалась, повязка пропиталась кровью. Нужно делать сначала.

– А чего ты тут всё ломаешь?

Дурацкая улыбка рыцаря ушла, и он подскочил поближе, при этом наступил на ногу и задел коленкой.

– Эйн, что с тобой? Ты ранен?

– Нет, мать твою, я в полном порядке, – проговорил Эйнар, пытаясь зубами развязать узел.

– Что же ты не сказал? Я не видел...

– Пока ты там играешь с девкой и строишь глазки кошке, я руку перевязать не могу!

Мысль, что не надо было вести себя, как обиженная плакса, а сразу позвать на помощь, обозлила ещё больше.

– Я не видел, – сказал Людвиг. – Прости. Давай перевяжем ещё раз. Говори, что делать, я буду твоими руками.

Он улыбнулся. Прикончил несколько человек, даже не поморщившись, а теперь лыбится. Но глупая злость проходила. И в самом деле, зачем устроил истерику?

– Ты хорошо держался, Эйни. Молодец. Если бы не ты...

Он наложил мазь на ткань и крепко перебинтовал рану. У парня такой участливый вид, что даже раздражает.

– Болит?

– Угу.

– Я не только про руку, – Людвиг смотрел в глаза. – Сам знаю, каково тебе. Если нужно поговорить...

– Нет.

– Если захочешь, я рядом, – рыцарь похлопал по плечу и подошёл к сумке, роясь в содержимом. Даже не спросил разрешения. – Я возьму твою запасную рубашку?

– Угу.

– Спасибо, брат. У меня просьба к тебе. Несколько человек ранено. Ты сможешь?

– В моём состоянии?

– Больше никому, Эйни. Посмотришь? – Людвиг натянул рубашку и набросил сверху ремень с мечом.

– Ладно.

– Спасибо. Столько дел сегодня, а я даже не уснул, – рыцарь вышел и придержал дверь, чтобы не хлопнула.

Этому лесорубу досталось. Топор раздробил локоть. Вряд ли бородач когда-нибудь сможет согнуть руку. Но он не из-

дал ни звука, пока Эйнар чистил рану и делал перевязку, лишь слёзы текли на бороду. Жена, здоровенная бабища, держала мужа за плечи.

– Вы её не отрежете? – спросил лесоруб.

– Посмотрим, – буркнул Эйнар. – Если к вечеру будет вонять, то... кх, – он провёл ребром ладони по столу.

Резать точно не придётся, но пришлось помазать рану средством Берны, чтобы не было гноя. Но нечего их радовать. Бородач и жена обнялись, настало время следующего. Парень, который едва начал бриться, рыдал, обхватив выбитое из сустава плечо. Это легко, было много практики.

– Кто тебя так?

– Стрелял, отдача сильная, – сквозь слёзы сказал пострадавший. – Будет больно?

– Чудовищно больно, – заверил Эйнар.

Парень обмяк, но сознание не потерял. От усилия заболела собственная раненая рука. У остальных раны легче, в основном ушибы и царапины. Бандиты настолько истощены, что не могут бить в полную силу. Тем лучше. Можно, наконец, идти спать.

Едва он лёг, как началась пальба. Вот и уроки стрельбы, теперь об этом знают все. Но, может, разбойники испугаются и больше сюда не сунутся? Спать невозможно, Эйнар то и дело возвращался мыслями к прошедшей ночи. Он ждал, когда придёт раскаяние и жалость к мёртвому парню, но ничего не было.

Он вышел наружу и немного прогулялся. Священник читал проповедь нескольким собравшимся, в основном раненым. Лучше обойти злыдня как можно дальше, но рядом с ним сидел поводырь. Откуда бродячий священник знает погонщика боевых машин? И как паренёк открыл дверь, которую сделали в Райдзин Технолоджи? В армии Левиафана и его Детей все машины из Риттер Инкорпорейтед, это известно каждому антруберу.

– Все мы ошибаемся, – у слепца сильный голос, его слышно издалека. – Такова наша природа и мы обречены совершать ошибки, а иногда и повторять. Лишь Спаситель не может ошибаться. Он говорил, что если человек оступился, помоги ему, если он совершил ошибку, то поправь, но не обвиняй, иначе всё повторится. Спаситель велел людям не только прощать друг друга, но и себя. Чрезмерное раскаяние может превратиться в клетку, из которой нельзя выбраться.

Он откашлялся и громко харкнул на землю.

– Спаситель любит всех своих детей и не желает им зла. Однажды Он предстал перед людьми воочию. Люди возрадовались, узрев Его, и начали возносить Ему хвалу, но Спаситель остановил их. Разве вы не видите, изрёк Он, что это я восхвалять вас должен. И начал Он восхвалять людей и возрадовались они ещё больше.

Поводырь посмотрел на Эйнара и что-то прошептал слепцу на ухо. Тот нахмурился.

– А теперь идите, добрые люди. Идите с миром.

Редкие зрители разошлись. За деревней раздался ещё один залп, довольно жиденький.

– Если ты храмовник, признайся сразу, – сказал священник.

– Я не храмовник, – ответил Эйнар.

– Значит, антрубер. Тем лучше, у грабителей руин есть хоть какая-то порядочность. Васур рассказал о вчерашнем.

– Он умеет говорить?

– У тебя память ещё хуже, чем у меня. А я точно помню, что упоминал об этом.

– И что он рассказал?

– О забытых людях в древнем бункере. О погибших ночью. Другие смертны, да. Но я не другой, я буду жить всегда.

– Что?

– Знает, от тупых вопросов люди тупеют, – слепец нахмурился. – Васур иногда говорит стихами. Мальчик расстроился. Этот мир несправедлив для таких, как он.

– Не только для него.

Священник хмыкнул.

– Так и есть. Я потратил всю молодость, говоря людям об ошибках Старого мира. Пока не понял, что никто не знает, что это за ошибки. Но они повторяются, а я видел слишком... не смейся.

– Я не смеюсь, – сказал Эйнар.

– А я видел слишком много трупов в своё время. Каждый из них считал, что прав именно он, но правда не всегда мо-

жет спасти жизни. Те люди, что напали... у них своя правда, раз они готовы умирать за неё.

Васур отворачивался и пялился в землю, как стеснительный ребёнок. И как он видит через эти заросли волос?

– Он разбирается в руинах.

– Ты тоже.

– Он открыл дверь.

– Это не преступление, – слепец хохотнул. – По крайней мере, до тех пор, пока она кому-нибудь не принадлежит.

– Ты меня слышал. Вам надо быть осторожнее. Я рад, что ты не грозишь мне и ему костром, но твой поводырь – погонщик боевой машины. Если о нём донесут...

– А кто донесёт? Пепельники не боятся старинных теков, они живут с ними с детства.

– Мог донести я.

– Тогда бы он с тобой не пошёл, – священник потрепал Васура по плечу. – Он ходит только за добрыми сердцами.

Эйнар засмеялся.

– Что-то он так себе разбирается в людях.

– Ты заперт в клетке своей вины. Прутья настолько толстые, что даже я их вижу. А ты за ними не видишь ни хрена. Ты ещё больший слепец, чем я.

Несёт какую-то чушь.

– Просто будьте осторожны, – Эйнар поднялся и отряхнул штаны.

– Мы и так осторожны, антрубер. Но спасибо за заботу.

Глава 7.8

Уши болели от ружейного огня, глаза слезились от дыма, но воспоминания о первом бое почему-то не возвращались. Но они вернутся, в самый неподходящий момент.

Лесорубы ошетинились копьями и изображали какое-то подобие фаланги, а те, кто мог попасть в сарай хотя бы с десяти шагов, стреляли из мушкетов. Нечего и думать о втором залпе, мало кто может перезаряжать оружие без ошибок: у большинства не получается отмерить нужного количества пороха на полку, они постоянно задевают друг друга локтями, а один так закинул в мушкет десять пуль подряд.

– Ведут себя ещё хуже, чем ночью, – пожаловался Людвиг.

Они с Дитрихом отошли в тень, поесть и отдохнуть. Одолженная рубашка провоняла потом и горелым порохом. Надо попросить кого-нибудь нагреть воды, чтобы помыться. Ханна наверняка придёт вечером поболтать и нужно бы заранее придумать, о чём говорить.

– Дай им время, – прохрипел старый рыцарь. Пришлось слишком много кричать на туповатых подопечных.

– Его нет, – Людвиг разбил варёное яйцо об эфес меча. – Уже через несколько часов стемнеет. Они придут.

– Я не сомневаюсь. Как самочувствие, мой друг?

Эйнар, ещё более мрачный, чем утром, кивнул и левой рукой попытался оторвать ломоть хлеба. Людвиг помог, но

обидевшийся на что-то нордер не поблагодарил. Как всегда, он положил топор рядом.

– Их командир меня беспокоит, – продолжил Дитрих.

– Выглядит опасным, – сказал Людвиг. Шлем с полумаской, кольчуга с пластинами, круглый щит и топор. Тот, кто хоть раз видел ютландских водоходов, легко угадает, откуда этот человек. – Но меня беспокоит другое, мы слепые и ничего не знаем о враге.

– Некому идти, Эммерик. Ты нужен для обороны, я слишком старый и громкий, а господин Губерт ранен.

– А я так хотел, – прошептал Эйнар и поморщился.

– А про лесорубов я уже говорил, – Дитрих не услышал нордера. – Их поймают, а потом замучают. Я предлагаю ждать. Время на нашей стороне, а не на их. Вряд ли в ущелье есть нормальная вода и еда.

– Посмотрим, – Людвиг смахнул крошки с колен. – Губерт, а раненые в порядке?

– Угу.

– Мы больше не будем сегодня стрелять. Поспи.

– Угу.

Эйнар поднялся и ушёл, захватив топор. Дитрих посмотрел вслед.

– Он же нордер?

Людвиг вздрогнул от неожиданности.

– Почему ты так...

– Только нордеры кладут топор рядом, когда едят. И вы-

говор, хоть и слабый. Если честно, я бы на твоём месте не связывался с ним. Они хорошие бойцы, но слишком вероломные...

– Сэр Дитрих, ваши обвинения не имеют под собой никаких оснований!

– Я не обвиняю, что ты, мой друг? – рыцарь Пепла примирительно поднял руки. – Ты его знаешь, а мне достаточно слова. Если скажешь, что ему можно доверять, я к этому вопросу больше не вернусь.

– Он мой друг и я доверяю ему свою жизнь!

– Значит, и я буду.

– Только оставь это в тайне, – попросил Людвиг.

– Конечно. Только лесорубы и сами не слепые.

Дитрих почесал усы.

– Не хотел тебя обидеть, – сказал он. – Просто старый и мнительный. Воюю всю жизнь, вот и привык полагаться только на соратников. Вижу, что тебе можно доверять. А друг твой хоть и боялся, но сражался. Я в первом бою вёл себя иначе, – он хмыкнул.

– Где ты воевал?

– В Винвалии. Война Хрустальной и Сапфировой Звездой, я тогда был не старше тебя. Первый бой, всё мечтал о нём. Думал, что обязательно прославлюсь, – рыцарь-предвестник улыбнулся.

– И что случилось? – Людвиг отложил недоеденный кусок хлеба.

– Ну что может случиться, когда вражеской армией командует сам Одноглазый Демон из Эндлерейна? Первая встреча, но не последняя. Красные плащи прорвали строй и разметали нас по всему полю. Драпал так, аж в ушах свистело, от страха имя забыл. А штаны пришлось потом выбросить, – он засмеялся. – Это сейчас смешно, тогда-то не до смеха было. Но это не самое страшное поражение.

Рыцарь грустно вздохнул.

– Когда советник короля починил древнее оружие и сбил Дракона Запада, мы отправились в логово Левиафана, чтобы покончить с ним. Но он позвал Демона на помощь. Мы тогда в резерве были, панцирная и наёмники-аниссары. Никто не ожидал, что красные плащи ударят нас в тыл. Пытались их удержать, да не смогли. Старого короля потеряли, – Дитрих отпил воды. Рука едва заметно тряслась. – Аниссары до сих пор стыдятся, что их отряд не выстоял. А Одноглазый Демон забрал голову короля и отвёз Левиафану. У меня друг был хороший... кстати, тоже Эммерик, он погиб недавно. Красные плащи его в плен тогда взяли. Чудом сбежал. Потом стыдно было, я-то в порядке, а с ним такое сотворили.

Он уставился на остатки обеда, но будто смотрел куда-то очень далеко.

– Я вот когда новобранцам рассказываю о своих поражениях, никто не верит. Говорят, да невозможно, чтобы сам сэр Дитрих боялся. А я боюсь. В страхе ведь нет ничего постыдного. Главное, жить дальше, в жизни не только победы

есть. Пытаюсь это молодняку вбить, но они меня не слушают, считают себя бессмертными, а потом уже поздно.

– Так и есть, – ответил Людвиг. – А вы были в последнем бою в долине?

– Да. В этот раз всё пошло иначе. Аниссары поклялись тот позор искупить, теперь в любой войне нам на помощь идут, самых лучших отправляют. Пришли и сюда. По правде, я думал, что и эту битву проиграем. Вот только новый герцог другой. Старый Демон всегда придерживал элиту и выжидал. Если подходящего момента не было, он не принимал бой и отступал. А вот новый герцог отправил гвардию прямо в лоб, на укрепления, где засели стрелки и аниссары. Так красные плащи и проиграли. Мы отомстили за старого короля.

Людвиг вытер бежавший по лицу пот. Помнит всё так, будто это случилось только что. Выстрелы, дым, пролетевшее мимо ядро. Как падают кони, как всадники вылетают из сёдел. Слышит, как ржёт лошадь. Айрик смеётся, но пуля попадает ему в забрало и вминает внутрь. Кони скачут прямо по телам, он помнит, как увидел чьё-то лицо внизу, измазанное в грязи, с оскаленным ртом. Тогда он сбежал и бежал долго, через тёмный лес, боясь, что преследователи уже за спиной...

– Тебе крепко досталось, – Дитрих пристально на него смотрел. – Знакомый взгляд. Сам навидался. После этих боёв даже не хочу домой ехать. Пока все комнаты не обойду, не усну, со своими ругаюсь почём зря. На войне мне привыч-

нее. На войне меня понимают.

Старый рыцарь поднялся, опираясь на палку.

– Пора продолжать. Нам надо... мать твою, Васур, я чуть не обосрался.

Поводырь стоял у него за спиной. И как только он умудряется подбираться так тихо? Парнишка протягивал фляжку. Дитрих сделал пару глотков и передал её Людвигу.

– Раз мы обещали не стрелять, то не будем. Но строем походить ещё надо. Пошли, у меня хорошее предчувствие, что сегодня ночью мы им наподдаём.

Ханна ждала, сидя на скамейке у дома. Людвиг весь день пытался придумать тему для разговора, но ничего не пришло в голову. Но вряд ли получится выглядеть ещё большим тупицей, чем есть. Это невозможно.

– Ваши вещи, – она подняла вычищенную куртку, как трофей победителя.

– Спасибо.

– Спасибо не мне, а маме. Она за вами ухаживает и дом убирает. Ещё готовит.

– А я думал, что тут всё как-то само происходит.

Стало стыдно за глупую шутку. Теперь надо садиться или стоять? В Эндлерейне сесть близко к женщине, тем более без приглашения, расценивалось однозначно и не всегда благосклонно. Ханна подвинулась и Людвиг сел на самый краешек.

– Я ещё хотела вашего друга поблагодарить, – сказала она. От неё чем-то пахло. Духи? – Но он слишком мрачный, да и спит весь день.

– А что он натворил?

– Лечит руку Альфреду, а ещё вправил плечо Густаву. А эти болваны и спасибо сказать не могут. Потом останется впечатление, что среди ангваренцев одни грубияны.

– Он не очень любит деревенскую жизнь. Я вот тоже.

– А я вас понимаю, – Ханна улыбнулась и поправила воротник рубашки. – Никогда не любила деревню. Мы с Хансом жили в городе, там нам нравилось больше.

– Твой муж?

– Да. Он прислуживал тогдашнему анвальту, сеньору, и откладывал деньги, чтобы... – она осеклась. – Извините, вам, наверное, неинтересно слушать про...

– Нет, расскажи, – попросил Людвиг. Пока Ханна говорит, можно молчать. – Мне интересно, я же не такой твёрдый и непрошибаемый, как моя броня. Такой же человек, как и ты. Правда, с рыцарским титулом и оружием, но это так, мелочи.

Они засмеялись.

– Я таких рыцарей, как вы, ещё не видела.

Тупых неловких болванов.

– Похоже, я такой один. Ну и что тогда случилось?

– Всё было как в красивой сказке, что показывают бродячие актёры, – проговорила девушка чуть возвышенным голосом. – Он мужественный стражник, а она прекрасная слу-

жанка. Они жили в замке и проводили вместе очень много времени.

Ханна улыбалась, но с грустью.

– Ханс служил в страже, а я прислуживала жене анвальта, но сам сеньор был не очень приятным человеком. Вредный, кричал, руки распускал. Ещё толстый, как печка, и вонючий как свинья.

Людвиг украдкой понюхал рубашку и скривился.

– Мы тогда жили в Ангварене, в старом Ангварене. И вот Ханс предложил сбежать. Ему тогда было лет примерно, как вам. Вот мы сбежали. Хотели далеко, на юг, где всегда тепло и растёт виноград. Но денег хватило только до ближайшего города. Ханс устроился в стражу, а меня взяли служанкой к знатной даме. Та ещё старая ведьма, но временами была ещё ничего. Девица так себе вести не должна, – сказала Ханна скрипучим голосом. – Но если очень хочется, то можно.

Она счастливо засмеялась.

– Но мы не жалели. Когда было свободное время, мы с ним ходили в лес, учил меня драться и стрелять. Но денег не хватало и Ханс устроился наёмником. Говорил, что война кончится быстро, он разбогатеет и мы отправимся дальше. Но увы, он не вернулся. Сказка закончилась, да и вряд ли бы такая кому-нибудь понравилась.

– Погиб в бою?

– Если бы он дожил до него, – Ханна поморгала чуть чаще обычного. – Там бы продержался. Нет, заболел и умер ещё в

походе. О таком в сказках не говорят.

– И что ты делала дальше?

– Тогда и хозяйка умерла, пришлось возвращаться домой. Отец долго на меня дулся, потом сказал, что нечего ходить вдовой и нужно обязательно выйти замуж.

– И за кого? – Людвигу почему-то стало обидно.

– Из неженатиков у нас в колонии только Петер, Клаус и Густав. Вообще, я должна была выйти замуж за Йозефа, но он слишком долго тянул. Вот и дотянул, а то я бы опять стала вдовой и меня бы тогда точно никто в жёны не взял, – Она откашлялась и зашептала натужным злобным голосом. – Это Чёрная Вдова, берегись.

Людвиг засмеялся следом, хотя понял, в чём шутка.

– А что с ним случилось?

– Ну Йозеф. Вы разве не помните? Ну он погиб ночью.

– А, этот, – он захихикал, будто в лопающейся от выстрела голове было что-то смешного. – Зря он посмотрел в ствол, конечно.

– Ага, – во взгляде Ханны мелькнула укоризна. – Вы что? Нельзя потешаться над умершими.

– Да, ты права.

Он посидел, кусая губы, но не выдержал и опять засмеялся.

– Но зато вы наконец-то меня слушали, когда я говорил, что с оружием надо обращаться осторожно, – Людвиг вытер глаз. Теперь точно всё испортил. – Извини, наверное, выгля-

жу бессердечным чудовищем.

– Немного, – она едва заметно улыбнулась.

– Сам бы не подумал, что это меня насмешит. И что дальше?

– А потом наша колония приехала сюда. Мы умеем работать в сложных лесах, поэтому нам дали это место, где раньше... – Ханна резко замолчала. – А вы из Грензена? Никогда про него слышала.

– Нет, это Губерт из Грензена, а я из Стурмкурста. Но ты правы, никто про Грензен и не слышал. Немного унылый край, – Людвиг попытался вспомнить ту шутку. – У жителей Грензена столько денег, что им хватит на всю жизнь. Только если они не будут их тратить.

Она улыбнулась.

– А чем вы занимались в Стурмкурсте? Или вы всегда были рыцарем с малых лет?

– Ну как чем, – Людвиг замялся. – Тем же, чем и обычно занимаются люди вроде меня. Фехтование, верховая езда. Некоторые ходили на охоту, но я не любил.

– И только это?

– Ну, больше и нечего. А, ещё у нас театр был. Ну и когда были ярмарки и праздники, смотрел на представления.

– Вот по деревням актёры не ездят, а в городе постоянно что-то показывали. Нам с Хансом очень нравилось... хотя нет, он ту историю не любил, но я несколько раз ходила. Про девочку, которую похитили страшилы и заставили работать

в бане. А вам что нравилось?

– Разное, много чего, – Людвиг задумался. – Но недавно я видел нечто совсем другое. Выглядело... по-настоящему.

– И что там было? – Ханна придвинулась поближе.

– Долго рассказывать. Но я попробую. Однажды один человек, хотя и не совсем человек, изготовил кольца, дававшее могущество. Он раздал их правителям, но втайне от всех создал другое кольцо, с помощью которого мог управлять остальными...

* * *

От звука охотничьего горна Эйнар скатился на пол, ничего не понимая. Где-то слышался собачий лай и крики. Уже почти утро.

– Ммм, что? – Людвиг спросонья открыл глаза, потом до него дошло и он вскочил. – Помоги надеть доспех!

Кирасу напялили поверх рубашки, которую островитянин отдавать не собирался.

– Я пошёл! – рыцарь взял шлем, один из тех, что селяне прятали в руинах. – Ты оставайся.

– Почему?

– Ты ранен.

– Если вас всех прикончат, то и меня тоже.

Сражаться не хотелось. Но выбор небольшой – или сражайся, или умри.

– Решай сам. Я за тобой присмотрю, но в этот раз держись подальше.

Вся деревня спала в одежде и с оружием. Дозорные уже выстроились, а к ним подбегали остальные. Причём копейщики стояли первыми, направив копья вперёд и прикрывая стрелков. Значит, парень не зря убил время и его подопечные запомнили хоть что-то.

– Строимся плотнее, – приказал Людвиг.

Из леса доносились крики и шум бегущих людей, собаки хрипели и пытались порвать цепи.

– Больше, чем вчера, – Дитрих сплюнул. – Готовимся! Огонь по команде! Кто выстрелит раньше, я тому мушкет в жопу засуну!

Толпа вывалила из леса. Селяне ждали. Кто-то нервно дышал, кто-то икал от страха, а от кого-то разило перегаром. Эйнар стоял позади всех. Живот сильно крутило, но времени облегчиться уже нет. Людвиг встал рядом, дыша так, будто замёрз.

– Всё будет хорошо, брат, – шепнул он. – Я за тобой пригляжу.

Но смотрел он не на Эйнара, а на ту симпатичную вдовушку, с которой хихикал вечером. Она ничего, парня не за что осуждать. Девушка целилась из мушкета, но то и дело поглядывала на Людвига. Почему-то эта неловкая картина показалась дико смешной.

– Что с тобой? – спросил рыцарь.

– Истерика, – сказал Эйнар и вытер набежавшие от смеха слёзы. Сейчас начнётся рубилово, смертоубийство, кровяща

и дерьмо, а эта парочка пожирает друг друга глазами. – Не обращай внимания.

Людвиг взял его за плечо. Хотел успокоить или успокоиться. Разбойники показались в свете факелов.

– Готовься! – Дитрих вскинул булаву. – Пали!

Мушкеты выстрелили. Это даже не походило на залп. Кто выстрелил раньше, кто позже, кто не выстрелил вообще. Людвиг всё ещё держал Эйнара за плечо и сжал пальцы так, что стало больно. Дым сдуло ветром. Урон от залпа казался смешным, но разбойники остановились. Кто-то побежал назад.

– В атаку! – главарь бандитов вышел вперёд. – Бей их!

Он кинулся в бой, но за ним побежали далеко не все, большинство разворачивалось. Людвиг наконец разжал пальцы.

– Держать строй! Коли! – проревел он, чуть не срывая голос.

Один из стоящих впереди копейщиков упал, крича и зажимая бедро, но того, кто его ранил, проткнули несколько копий. Лесорубы орали от страха, но стояли на месте и кололи. А разбойники сбились в кучу перед строем, боясь лезть на острые шипы.

С одного фланга ворвался Дитрих. Тяжёлая булава опустилась на чью-то голову с тошнотворным хрустом. Людвиг напал с другого фланга и звук клинка, хлеставшего по живому мясу, оказался ещё хуже. Один разбойник ткнул рыцаря копьём, но остриё отскочило от кирасы.

– Отходим, – раздался крик главаря и разбойники отступили.

Кто-то успел перезарядить мушкет и выстрелил, но ни в кого не попал. Первый залп убил не так много, но то, как на него отреагировали враги... такого никто не ожидал. Защитники переговаривались, голоса дрожали от возбуждения. Лесорубы радовались и Эйнар, к своему неприятному удивлению, разделял это чувство. Они победили.

– Они не поверили, что у нас много ружей, – сказал Людвиг, протирая окровавленный клинок.

– Так и есть, мой друг, – Дитрих снял шлем. – Вряд ли они ещё сунутся, но расслабляться не будем.

– Ты в порядке? – спросил островитянин у Эйнара, но опять смотрел на ту девушку.

Она его заметила и помахала рукой. Лицо измазано после выстрела. Рыцарь улыбнулся, но улыбка сползла, как только он отвернулся.

– А ведь она видела, как я убиваю.

– Ты спасаешь им жизни. И ей в том числе. Тебя никто не судит. Ты молодец.

– Да? – парень немного просветлел. – Спасибо, Губерт, – он хихикнул. – Поможешь раненым?

– А куда я денусь.

Эйнар посмотрел на трупы атакующих. Вид погибших врагов не вызывал никаких чувств. Неужели так и должно быть?

Глава 7.9

– Рука в порядке? – спросил лесоруб и затаил дыхание.

– Да успокойся ты! – жена вставила ему подзатыльник. –

Сейчас посмотрит и скажет!

Эйнар размотал повязку и принялся. Кое-кому не помешало бы мыться чаще, чем раз в месяц. Но гнилью не пахнет, заживает хорошо.

– Всё в порядке.

– Резать не будете?

– Нет.

Шутка затянулась. Прошло несколько дней с последней атаки, все расслабились, а лесоруб с женой до сих пор боятся, что мужику отрежут руку. У Эйнара тогда было слишком плохое настроение, вот он и портил его остальным. Лесоруб радостно вскрикнул, а жена обняла мужа мощными ручищами.

– Мы вам так благодарны! Спасибо, спасибо!

Эйнар отмахнулся. Свой локоть так и болел, но не как в первый день. Лесоруб и его жена продолжали благодарить так яростно, будто проклинали. Остался ещё один больной, потом можно идти спать.

– Ты опять стрелял?

Парень, придерживающий вывихнутую руку, рассмеялся и сморщился от боли.

– Нет, упал. Я везунчик.

Эйнар вправил сустав привычным движением и пошёл домой, избегая очередные благодарности. Наглые местные детишки шли следом, требуя показать оружие и щит. Постоянная стрельба их больше не интересовала. А их родители сами уже не верили, что бандиты осмелятся атаковать ещё раз. Но рыцари требовали продолжать занятия.

К счастью, они стали заканчивать пораньше, пока все не сошли с ума от грохота и жары. Людвиг точил лясы с той симпатичной вдовушкой каждый вечер и, кажется, от скромного парня, который при виде любой девки то бледнел, то краснел, мало что осталось. Так и пожирают друг друга глазами. Выглядит отвратительно.

Жена старосты носила горячую воду в бадью. Невинная просьба, но, как всегда, вывела её из себя. А вот пожелания Людвига она делает с радостью и улыбкой.

– Спасибо, – буркнул Эйнар, зная, что это взбесит её больше.

Она вышла на улицу, хлопнув дверью.

– Грязный нордер! – донеслись её слова.

Сейчас помоемся и будет чистым нордером. Вода смешалась плохо, внизу холодная, а сверху обжигает кожу. Эйнар откинулся назад, держа правую руку снаружи, чтобы не мочить повязку. Староста с женой его ненавидят, наверняка из-за походов в том убежище. Но откуда они знают, кто он такой? Это несложно, рыцарь всё разболтал, точно. Не может

держат язык за зубами. Вечно из-за него одни проблемы. Ещё у сопляка внезапно проснулась совесть и они застряли в этой дыре...

Эйнар выдохнул. Жена старосты его нервирует. Но островитянину надо высказать, чтобы помалкивал. Сколько им ещё здесь торчать, неизвестно, но вдруг местные захотят развеять скуку повешеньем нордера.

От запаха древесины в доме и неудобного матраса уже хотелось выть. Эйнар оделся и вышел наружу, посидеть в тенишке. Чем же заняться в этом гиблом месте? Когда же они уйдут отсюда? От вида здешних людей давно воротит, ещё немного...

– Мы к вам! – донёлся знакомый голос.

Лесоруб и его здоровенная жена спешили к дому. Ещё их не хватало, сейчас начнут кричать «нордер» или что-нибудь другое, не менее обидное. Мужчина держал что-то, завёрнутое в белую тряпицу, прижимая перевязанной рукой.

– Мы тут... – он протянул свёрток. – Мы тут...

– Ну говори уже! – не выдержала жена.

– Мы тут поблагодарить вас пришли, – сказал лесоруб и наклонил голову. – Что помогли нам.

– Сама испекла, – жена осклабилась. С её габаритами зверский оскал выглядит угрожающим. Но чтобы они не отдали, пахнет очень вкусно.

– Это мне? – пробормотал Эйнар. – Спасибо.

– Вам спасибо.

Парочка слиняла. В чистую тряпицу завернут горячий мясной пирог. Выглядел он замечательно, а пах ещё лучше. Испекли угощение в благодарность. В глазах защипало. Эйнар хмыкнул. Ничего себе, смогли растрогать. Пирог оказался вкуснейшим.

Хотя что-то есть хорошее в этом месте. Можно спать не только ночью, но и большую часть дня. Эйнар отоспался за всю жизнь и опять уснул после того, как покончил с пирогом. Но вечером сон прервал разбудил тихий разговор. Кто-то сидел снаружи, на скамейке. Один голос знакомый, это девушка, Ханна, но с ней не Людвиг. Они ссорятся, но тихо.

– Думаешь, что я этого не увижу? Да вся деревня это обсуждает!

– Ну и пусть обсуждают. Я уже не девочка, папа. И потом, можешь не беспокоиться. Мы просто разговариваем.

– Я же вижу, как ты на него смотришь, – сказал мужской голос.

Это староста, его же дочка приглянулась Людвигу.

– Все это видят, – продолжил мужчина. – И как он на тебя смотрит. Стоит ему на тебя глянуть, как у него переплетаются ноги и он спотыкается, как телёнок. В прошлый раз всё тоже началась с разговоров, а потом раз и ты сбежала с этим олухом!

– Про меня можешь говорить всё, что хочешь, но про Ханса и заикаться не смей, – прошипела девушка. – Он был са-

мым достойным человеком в моей жизни.

Какое-то время они сидели молча, и Эйнар начал засыпать.

– Ты пойми, – сказал староста. – Я же это не просто так говорю. Я хочу, чтобы у тебя всё устроилось в жизни. Я не вечен, а ты ещё молодая. Тебя любой замуж возьмёт. Вижу, что тебе не хочется жить здесь, но пойми одну вещь. Он достойный человек, никто с этим не спорит. Вызвался на помощь, если бы не он, нас бы всех перебили. Очень славный юноша, его всё любят. Он хороший, в отличие от нордера, который с ним таскается.

Эйнар едва сдержался, чтобы не кашлянуть от возмущения. Этому Людвигу пора настучать за слишком длинный язык.

– Но знаешь, он рыцарь. И не бродяга, а настоящий, из знати. И каким бы он ни был хорошим человеком, ты ему не ровня. Лишь интрижка, чтобы потом похвастаться перед приятелями, как поймел красивую вдовушку в деревне.

– Замолчи!

– Я не хочу тебе зла. Он молодой, ему скучно, поэтому развлекается с тобой. Но скоро он уедет, а ты останешься. Подумай об этом.

Они ушли. Эйнар лежал, смотря в потолок. Раздражающий запах свежего дерева бил в нос, смешиваясь с вонюю старой соломы в матрасе. Скорее бы уже отсюда уйти.

Людвиг заявился, когда стемнело.

– Я тебя разбудил? – шепнул он, укладываясь на матрас. –

Извини.

Сон пропал. Может высказать ему, чтобы держал рот на замке? Но злость уже прошла, а они и так редко стали разговаривать.

– Как думаешь, они больше не вернуться? – спросил рыцарь.

– Кто? Бандиты? Не знаю.

– О них ничего не слышно. Если так и будет, то скоро можно уходить.

– А как мы с тобой пойдём? Через ущелье опасно, но оно не такое радиоактивное, как леса вокруг. Я замерял.

– Не знаю, – в темноте видно как Людвиг разглядывает свои руки. – С каждым днём всё страшнее возвращаться.

– А может и не стоит?

– Я должен. Вернусь, получу своё и попрощаюсь. Так будет правильнее. Хотя я не знаю, – добавил он грустным голосом. – Посмотрим.

Он повернулся набок.

– В последние дни я отлично сплю. Засыпаю, просыпаюсь не ночью, а утром. И кошмары почти не снятся.

– Та девка хорошо на тебя влияет. Ты даже выглядишь счастливее.

– Не придумывай, – Людвиг фыркнул. – Я такой же, как и раньше.

– А то я не вижу.

Сказать ему про разговор старосты с дочерью? Нет, всё же тот разговор не предназначался для чужих ушей, а нет ничего более неблагодарного, чем вмешиваться в чьи-то отношения.

– Оба глаз друг от друга не отрываете. А ты ещё мыться стал каждый день. Раньше за тобой такого не водилось.

Парень засмеялся.

– Не придумывай, нордер.

Сразу же вспомнились староста и его жена. Грязный нордер. Надо высказать островитянину. Но не сейчас.

– Но она мне нравится, правда.

– Молодой рыцарь нашёл горячую вдовушку.

– Не говори так, – попросил Людвиг. – Но меня беспокоит одна вещь.

– Какая?

– Мне кажется... – он замялся. – Нет, этой ерунда. Чушь.

– Ну говори.

Людвиг зевнул.

– Просто я столько плохого натворил и боюсь, что это ко мне вернётся ещё большим злом.

– Да, действительно, чушь.

– Нет, зло возвращается к тому, кто совершил дурное. А я порядочно в этом увяз.

– Ты идиот, Виг.

– Я знаю.

– И ничего особо плохого ты тоже не наделал.

– Не знаю. Но сейчас мне хорошо. Я сплю, я редко злюсь, меня почти не донимают воспоминания. Но это затишье. Просто... это случается со мной с самого детства. То, что мне нравится, то что я люблю, те, к кому я неравнодушен... это умирает или я начинаю это ненавидеть.

– О чём ты? – Эйнар приподнял голову.

– Смотри сам. Я мечтал служить в Огне... в своём отряде. Теперь я не могу думать об этом без злости. Они совершили столько ужасного. Да и не только это. Я мечтал узнать хоть что-то о прошлом, но от него остались только ржавые машины для убийств и человек, который продал Старый мир. Всё остальное, ради чего я и этим интересовался, умерло и забыто.

– Ты пил? – Эйнар принюхался. – И меня не позвал.

– Если бы. Я очень любил фехтование, а теперь ненавижу это. Мне уже не хватает пальцев на руках, чтобы посчитать, сколько я прикончил своими навыками и мечом, который мне тоже нравился. А люди! Мама, бабушка. Даже мастер Рейм, их уже нет. И твоих друзей тоже нет по моей вине. И я боюсь за Ханну. Вдруг с ней что-нибудь случится... или я возненавижу её.

Он тягостно вздохнул.

– И ты, Эйни.

– Что я?

– Ты мне важен. Береги себя.

– Виги, ты бы знал, какой ты кретин.

– Я знаю. И мечтаю, что окажусь неправ. Но мы с тобой поступили хорошо, когда остались. Хоть что-то сделали правильно.

Людвиг засопел. Эйнар ждал, что через минуту рыцарь вздрогнет, проснётся и будет всматриваться в темноту. Но он спокойно спал.

* * *

Рассвело и одинокую фигуру часового, стоящего в башенке над частоколом, видно даже с порога дома. Людвиг зевнул от утренней прохлады и обхватил себя руками. Сидящий на крыше кот смотрел немигающим взглядом.

На площадке собирались первые селяне. Уже к обеду становилось слишком жарко, поэтому начинали и заканчивали пораньше. Дитрих уже был здесь.

– Может, некому нападать? – спросил он. – Вдруг они все передохли?

Людвиг пожал плечами.

– Уже пять дней прошло.

– Думаю, мы победили, – Дитрих расправил усы. – Тогда я возвращаюсь в армию.

– А не слишком ли рано?

Людвиг не хотел уходить так быстро и, кажется, понял почему. Но Ханны не было сейчас и вчера вечером она не пришла.

– Даже если и нападут, лесорубы отобьются сами. Ты их

хорошо обучил, справятся с кем-нибудь и посерьёзнее бандитов.

– Слишком рано, Дитрих. Пять дней не срок, они могут выждать.

– Ну раз ты так считаешь, – старый рыцарь вздохнул. – Так тому и быть. Подождём ещё пару деньков.

Ещё два дня. Людвиг сдержал улыбку. А вот селян новость не обрадовала.

– Ну давайте, стройтесь! – подгонял их Дитрих. – Занятия никто не отменял.

Первые линии выставляли копья, а стрелки вели огонь поверх их голов. Эта фаланга могла пройти целых десять шагов и не развалиться. Почти настоящая армия. Вот только Ханнаны среди них почему-то нет.

– Молодцы! – рыцарь-предвестник улыбался. – Хорошая работа.

Людвиг его энтузиазм не разделял. Против серьёзного врага лесорубам не выстоять. С другой стороны, они не воины и скоро вернутся к обычной жизни, а об этом приключении будут долго вспоминать. Почему бы и не похвалить?

– Всё хорошо. Молодцы.

Лесорубы заулыбались в ответ. Стоило добавить, чтобы не расслаблялись, но Людвиг промолчал.

Когда стало нестерпимо жарко, занятия окончились. Он походил по деревне, ища Ханну, но девушка куда-то пропала. Что-то изменилось, но непонятно, что именно. Может,

стоит спросить совет у друга?

Из дома, где Эйнар спал целыми днями, вышла Катарина, жена старосты Ульриха, с котелком в руках. Обычно приветливая, сейчас она так пылала яростью, что ничего не видела.

– Этот нордер меня достал! То воду ему горячую, то жрать! Засрал весь дом!

Катарина сразу невзлюбила северянина. Только откуда она узнала, что он нордер? Вряд ли Дитрих сказал. Но об этом несложно догадаться.

Эйнар лежал на матрасе, будто и не вставал с самого утра.

– Как дела, милорд Губерт? – Людвиг помахал рукой.

Северянин посмотрел с мрачным видом. Злится, наверняка из-за Катарини.

– Как обычно, – выдавил нордер.

– Эйни, мне нужен совет.

– Я тебе дам совет, – с неожиданной злостью проговорил

Эйнар. – Держи-ка свою пасть на замке!

– Ты чего? – Людвиг отошёл на шаг назад.

– А кто всем разболтал, что я нордер?

– Да ты... я... думаешь, это я сказал? Да что ты несёшь?

– Кто ещё, если не ты? У нас из-за твоей болтливости уже были проблемы.

Он несправедливого обвинения в глазах скопились слёзы. Этот придурок ещё бы написал большими буквами на себе, кто он такой.

– Я... ты... да иди ты в жопу, сволочь! – Людвиг вышел

наружу, хлопнув дверью.

Он сел на скамейку, пытаясь продышаться. Всего одна фраза выбила из колеи, а он уже столько дней не злился. Неужели идиот не понимает, что все и так раскусили, кто он такой?

Подошёл кот и потёрся о ногу. Людвиг погладил зверька по голове. Тупой нордер, от скуки злость срывает. Но что теперь делать с Ханной? Может спросить у Дитриха? Нет, хоть они и сдружились, но так сильно открываться перед старым рыцарем не стоит. Да и нельзя забывать, что однажды они могут встретиться в бою по разные стороны. Нет, это не произойдёт, из армии нужно уходить, только сначала придётся вернуться. Но в первую очередь надо поговорить с девушкой. Пересечь это поле боя и испытать позор, ведь Людвиг понятия не имеет, о чём хочет говорить, но думает, что это нужно. Сейчас общение с Ханной не вызывало панику, а случайное прикосновение не бросало в жар, но этот разговор должен быть серьёзным. Только о чём? Что нужно сказать? Для начала, что он уходит через два дня, а там будет видно.

Она стояла у сарая. Людвиг на всякий случай понюхал рубашку и пошёл, чувствуя, как с каждым шагом уходит решимость. Ханна заметила его. Всё, назад дороги нет. Сердце пыталось разломить рёбра и выбраться наружу.

Он откашлялся.

– Тебя не было сегодня.

– Отец запретил, – ответила она, чуть помявшись. Стран-

но, Ульрих и раньше запрещал, но Ханна всё равно приходила.

Вдруг она тоже нервничает и не знает, что сказать? Нет, бред какой-то.

– Наверное, мы победили.

– Все так говорят, – Ханна теребила ворот платья. – С тобой помощью.

– Вы и сами молодцы, – Людвиг дёрнул губами, но улыбка не получилась.

– Без тебя бы мы не справились. Вы пойдёте дальше?

– Да, и я...

Людвиг замолчал. Она пристально смотрела на него, будто ждала услышать что-то, что ей не придётся по вкусу.

– Просто я, – продолжил он, перебирая слова. – Я хотел сказать, что мне тут понравилось, был рад с вами всеми познакомиться. И с тобой тоже, да... особенно с тобой.

Он закрыл глаза от стыда, но, когда открыл, она всё так же смотрела.

– А сейчас ты скажешь, что должен уехать, потому что тебя ведёт твой долг. Но однажды ты вернёшься и заберёшь меня, но сначала мне нужно раздвинуть перед тобой...

– Нет! – вскрикнул Людвиг. – Нет, совсем нет, я... я другое хотел сказать.

– Чтобы вы не говорили, у вас, мужиков, одно на...

– Да постой! Я просто хотел... я не вернусь, никогда. Ещё два дня и я уеду навсегда. Да, это мой долг. Мы не говорили

вчера и сегодня, но мне бы хотелось побыть с тобой, пока не уехал. Потому что мы больше не увидимся.

– Заходишь с этой стороны, – Ханна усмехнулась. – Подать на жалость и...

– Нет, – Людвиг вытер горящее лицо. – Тут дело не в этом. В другом, – он вздохнул. – Я не знаю, как это сказать. Как же всё сложно. Эх... я совершил много плохого, и это не даёт мне покоя. Потому что всё вернётся ко мне и то, что я люблю, погибнет или я это возненавижу. Такова моя расплата за то, что совершил. Может быть, я погубил целый мир, не знаю, но свою жизнь я точно уничтожаю. Но вот эти дни... я спокоен. Я почти месяц боялся уснуть, но здесь я засыпаю. Мне не снятся сны с выстрелами, кровью и трупами, – он вытер глаз. – Может потому, что я хоть что-то сделал правильно. Но это не только моя заслуга. Я пришёл сказать спасибо. Видит Спаситель, вряд ли тебе попался такой застенчивый идиот, как я, но мне нравились наши разговоры. Ты мне помогла. Вы все помогли. Больше, чем я вам.

Людвиг отвернулся.

– Да что я несу? Я совсем не то хотел сказать. Нет, опять не так... я хочу быть честным с тобой и с собой, поэтому и говорю, что думаю. Просто у меня в голове всегда такой бардак.

Он сглотнул накопившуюся слюну, слишком громко. Ханна смотрела на него, не говоря ни слова. Похоже, в своей глухости он превзошёл сам себя.

– Осталось всего два дня и мне бы хотелось провести их с тобой. В конце концов, я же не рассказал, чем всё закончилось.

– Значит, ты не вернёшься.

– Нет, не буду обманывать и говорить, что однажды заберу тебя. Это неправда. Но ты бы знала, как я этого хочу. Ты мне... – он замер и прошептал. – Ты мне нравишься. Да.

От стыда хотелось развернуться и убежать. Рубашка прилипла к спине. Такое же чувство, как в редких снах, когда он стоял перед всеми голый. Но Ханна не смеялась и не показывала пальцем. Она подошла слишком близко, наклонила ему голову и поцеловала в лоб.

– Прекрасный рыцарь. Как в сказке. Я думала, что так не бывает. Красивые мальчики-рыцари хуже любого бедствия, потому что привыкли получать своё сполна. А ты не такой.

Девушка улыбнулась и Людвиг почувствовал себя чуть увереннее.

– Хотя однажды я могу вернуться. Когда отращу брюхо, обзаведусь роскошной лысиной, гнилыми зубами и отдышкой.

– А я буду толстой тёткой, воспитывающей очередного мелкого лесоруба, – ответила она со смехом. – Как привычные тебе деревенские бабы. И вот мы увидимся и будем вспоминать времена, когда были молодыми и красивыми. Этот самый момент. И нам будет что вспомнить.

Ханна огляделась вокруг.

– Мне понадобится помощь, милорд, – сказала она и грубо запихала его внутрь сарая.

– Какая помощь? – спросил Людвиг. Но догадался, когда Ханна закрыла дверь на засов.

Глава 7.10

Эйнар сидел на пороге, накручивая шнурок на пальцы. Наконец-то прохлада, а то от жары можно сойти с ума. Только что ушли лесоруб и его жена, они подарили новую рубашку и заверяли в вечной дружбе.

– Принесу в подарок я новую рубашку, – тихо пропел Эйнар слова старинной песни и усмехнулся.

До мужа с женой приходил мужчина с вылеченным бедром. А сейчас к дому идёт тот парень, что постоянно выворачивает плечо.

– Что, опять вывих?

– Нет, я вам принёс, – он показал глиняную бутылку. – Мы пиво варили, отличное получилось. Это вам.

– Спасибо, – Эйнар попробовал. И правда, отличное.

Парень ушёл. А как его зовут? И какие имена у бородатого лесоруба и его жены? Так и не узнал. Вообще, здесь живут хорошие люди. Надо было познакомиться с ними поближе. Если бы не радиация вокруг деревни и мерзкая жена старосты, Эйнару бы тут понравилось. Конечно, если бы он не лечил людей, недовольство выказывали бы и те, кто сейчас улыбается, но благодарность и мелкие подарки, типа фляги и собранных в дорогу сухарей, немного трогали.

Вот только как идти? Обходить далеко, в лесу опасно, а в ущелье могут оставаться бандиты. Разбойники могли

воспользоваться другим путём, если бы он был. Идти через Грензен? Очень долго. Нужно обсудить с Людвигом, но лишь бы опять не поругаться.

Вот и он сам идёт к дому. Всё же зря они вчера поссорились, парень даже не пришёл ночевать. Выспавшийся, вымытый и выбритый, он выглядел на свои годы. А в убежище Анхеля Людвиг смотрелся на все тридцать.

Он остановился, улыбка погасла. Боится ещё одной ссоры. Эйнар подвинулся. Вдвоём они едва уместились на пороге.

– Попробуй, отличное пиво.

Людвиг сделал могучий глоток.

– Угу. А зачем этот шнурок?

– Увидишь, – Эйнар поскрёб ногтями по штанам.

Кусты зашуршали.

– Там кошка, – заметил Людвиг.

– Я знаю.

Кот прыгнул с выпученными глазами, ударил Эйнара лапой и умчался, подняв тучу пыли, но недалеко.

– Ты так специально делаешь? – рыцарь следил за схваткой. – А чего он так прыгает?

Эйнар поскрёб ещё раз. Кот в нетерпении переминался, готовясь к прыжку. Эйнар поскрёб погромче. Зверёк подскочил, вцепился зубами в руку и начал драть её задними лапами. Настало время для другого оружия.

Эйнар высвободился из крепкой хватки злобного зверя и встал, разматывая шнурок. Глаза кота засверкали, он на-

чал кидаться на ненавистную верёвочку, пытаюсь разорвать в клочья, но каждый раз промахивался.

Людвиг засмеялся.

– Можно мне?

Эйнар подал ему шнурок. Парень начал дразнить зверька. Кот продолжал охоту, размахивая когтями, а рыцарь не собирался ему уступать.

– Почему у нас нет кошек? – Людвиг улыбался и впервые выглядел таким счастливым. – А у вас были?

– Да. У тётки Ульфы была и как-то раз окотилась. Трое серых котят.

Кот, наконец, поймал верёвочку, укусил и тут же потерял к ней интерес.

– Эй, куда ты?

Зверь увидел голубя, сидевшего на заборчике, и пополз, прижимаясь к земле. Хвост в нетерпении дрожал. Людвиг сел на порог, взял бутылку и не отрывал от кота радостных глаз.

– Поймает, как думаешь?

– Посмотрим.

Голубь улетел прежде, чем кот прыгнул. Охотник укоризненно посмотрел на Людвига, вылизал лапку с недовольным видом и куда-то убежал.

– Вернись! Эх, ушёл. И что дальше?

– В смысле?

– Ну ты говорил, кошка была.

– А, это. Ничего хорошего, – ответил Эйнар. – Ходил, играл с ними. Потом Старик узнал, сказал, что я его позорю. Велел мне их утопить. Вместе с кошкой.

Он закрыл глаза на несколько секунд. Из всех воспоминаний детства это одно из самых тяжёлых. Но не самое.

– Мне жаль, Эйн.

– А, ладно, давно было. Всё допил?

– Ага, – Людвиг потряс бутылкой. – Это к тебе.

Поводырь показался издалека, а не подкрался со спины, как делал обычно. Он держал краюху хлеба, но увидев, что Эйнар не один, Васур разломил ломать надвое, отдал им и убежал.

– Он странный, но ты ему нравишься, – сказал парень. – Ко мне не подходит.

– У меня хорошо получается ладить с идиотами, они ко мне так и липнут.

– Наверное, – Людвиг задумался. – Эй, это про меня? Иди-ка ты!

Они засмеялись.

– Эйн, я всё хотел спросить. Если у тебя будет сын по имени Эйнар, как его будут звать?

– Эйнар Эйнарсон.

– А если у него появится сын Эйнар, то что, он будет Эйнар Эйнарсонсон?

– Ну, почти.

Парень захихикал. Откуда-то с запада прогремел гром.

– Поэтому такая жара была. Перед грозой.

– Угу, – Людвиг жевал хлеб.

– Готов уходить?

– Не знаю, – парень вздохнул. – Пора бы уже, но...

– Не хочешь расставаться с ней?

– Ну, да. Это сложно. Если бы получилось... а, нечего и думать, всё равно ничего не выйдет.

– Ладно, я просто спросил. Знаю, что тяжело, – Эйнар улыбнулся. – И как она?

– Что как она?

– Ну как она? – он поднял обе руки и сделал недвусмысленное движение.

Людвиг покраснел.

– Да я... мы... да откуда ты знаешь?

– Я же не такой слепой, как тот дед. У тебя ухмылка тупая и самодовольная.

– У меня не тупая ухмылка.

– Ну так что, рассказывай, – Эйнар ткнул его в плечо. – Она ничего, да?

– Ничего, – выдавил из себя рыцарь и отвернулся.

– Ну вот. А то ходил с кислой мордой, а как бабу нашёл, сразу довольный стал.

– Это у меня-то кислая морда? Ты на свою-то посмотри.

Людвиг скорчил рожу.

– Я Эйнар Айварсон и у меня плохое настроение. Ох, уйдите-ка, а то буду щеголять своим остроумием и тупыми шу-

точками. Да?

- Иди-ка ты в жопу! Не такое у меня лицо.
- Такое-такое!
- И шутки не тупые.
- Тупые!
- По крайней мере, я не плакса.
- Это я плакса? – притворно возмутился Людвиг.
- Да!
- А ты нытик!
- Сопляк! – парировал Эйнар.
- Сволочь.
- Наглый говнюк.
- Кусок дерьма.
- Избалованный дворянчик.
- Жопа, – сказал Людвиг. – С ручками.
- Ну это ты хватил через край.

Эйнар ткнул его локтем. Парень согнулся в фальшивом приступе боли, но тут же зажал шею Эйнара в крепкий захват.

- Пусти, идиотина.
- Нордерская мразина, – Людвиг рассмеялся и начал заламывать руку.
- А! Рана! Больно.
- Эйни, извини!

Островитянин разжал захват. Совершенно зря. Эйнар вырвался и сам заломил парню руку. Они боролись, не уступая

друг другу, пока случайно не столкнулись лбами.

– Ах ты сучка! – Эйнар с хохотом упал на землю и потёр лоб.

– У меня аж искры посыпались, – сквозь смех пробормотал Людвиг и помог встать.

Они уселись на порог, тяжело дыша. Эйнар обнял островитянина за плечи.

– Зря я на тебя вчера наорал. Извини.

– А, ерунда, бывает.

Гроыхнуло ещё раз и закапал редкий дождик.

– Хороший, тёплый, – Людвиг вытянул руку.

– Я такой люблю. Хоть жара схлынет.

– А в пустыне на севере бывают дожди?

– Вряд ли. Хотя не знаю.

– И в ущелье тоже, – рыцарь поднялся со встревоженным видом.

– Что случилось?

– Под дождём ружья не будут стрелять.

– Да они не нападут.

Дождь усиливался. Где-то вдалеке раздался собачий лай, всё громче, будто все псы залаяли разом. Загудел рог, долго и протяжно. Эйнар попробовал сглотнуть, но твёрдый комок в горле не давал это сделать.

– Помоги надеть броню, – попросил Людвиг.

Глава 7.11

Защитники выстраивались перед проходом в частоколе. Проливной дождь лил так сильно, что скрывал ущелье.

– Все на копья! Держать строй! – Людвиг крикнул так громко, что сорвал голос.

– Стоим плотнее! – орал Дитрих. – Вечный вас дери во все дыры! Держать строй, кому говорят!

Испуганные лесорубы выстроились ровным прямоугольником и оцетинились копьями. За прошедшие дни все расслабились и забыли об угрозе. Хоть бы уроки не были напрасными. Враги подбираются, их уже слышно, но не видно за стеной ливня.

Эйнар стоял позади строя, в своём жилете с тайной подкладкой и наручем, но голова не защищена. Людвиг снял шлем и надел на нордера.

– А ты? – удивился он.

– Справлюсь, – голос сильно хрипел, почти неслышно самого себя. – Стой тут.

Ханна смотрела из глубины строя, но сейчас не время для переглядываний.

– Держать строй! – рявкнул Дитрих. – Они идут! Готовимся!

Защитники кричали, подбадривая себе и других. Людвиг тоже хотел кричать, но не мог. Шум приближается и кажется,

что в этот раз врагов намного больше.

Разбойники ворвались в проход.

– Смерть! – проорал главарь.

Он врзался в фалангу, раздвигая копья щитом. Бандиты напарывались на острые наконечники, следующие проходили по трупам, напирая всё сильнее и сильнее. Строй прорван, больше его нет, теперь это одна толпа, в которой все убивают друг друга.

Людвиг пытался выкрикивать приказы, но голос пропал. Разбойников слишком много, но они... да кто это такие? Помимо мужчин здесь старики, подростки, женщины. Кто-то истощён и едва двигается, кто-то совсем свежий. Но нельзя сейчас об этом думать, убить может любой.

Он ткнул в чьё-то лицо, выдернул меч и рубанул другого по шее. Остальные подбираются ближе. Людвиг бил на смерть. Ржавый топор сломался, ударив в кирасу, серп разрезал рукав куртки, но уцепился за кольчугу на плече. Владелец серпа захрипел, когда клинок рассадил ему шею.

Сквозь шум боя раздаётся безумный смех Дитриха. Над головами мелькает забрызганный кровью флаг с чёрным цветком. Эйнар дерётся рядом. Глаза мутные от страха, он кричит. Топор в крови, но сейчас нордер не останавливается после удара, ужасаясь последствий, а сразу бьёт следующего. Покрытый татуировками мужик ткнул северянина обломком ржавой косы. Лезвие отскочило от шлема, а Людвиг разрубил бандиту кисть.

– Убить их всех! – кричал Дитрих. – Ангварен!

Рядом мелькают наконечники копий, но это свои, потому что падают враги. От криков болит голова, ноги скользят в крови, а мокрые от дождя волосы лезут в глаза. Страх никуда не уходит, любой противник по-прежнему заставляет сердце замирать. Но это не мешает драться.

Мужчина с длинными волосами схватил Эйнара сзади. Людвиг проколол длинноволосому бок. Вопящая прямо в лицо женщина целилась ножом в глаза, но её проткнуло копьё. Старик с впалыми глазами, едва стоящий на ногах, замахивался шахтёрской киркой, но слишком долго, нордер успел убить его первым.

– Сколько ещё? – простонал Эйнар.

Меч отяжелел, лицо забрызгано чужой кровью, даже дождь не может её смыть. Звон железа не стихал, но битва становилась медленнее. Лесорубы держались, но врагов ещё много. Непонятно, кто побеждает. Вожак разбойников рядом, кричит, подбадривая людей. Если его убить, то всё закончится. Без командира ни одна армия неспособна сражаться. Дедушка знал это и всегда стремился уничтожить вражеского полководца одним ударом.

Людвиг продирался к главарю разбойников, перешагивая через мёртвых и раненых. Вожак бандитов устал, он едва отбивается. Он так близко, что на лице, не закрытым полумаской шлема, видны язвы и смертельно бледная кожа. Чувствуется вонь загнивающих ран и ржавой кольчуги. Всего один

удар и ему конец. Но долгий и протяжный женский крик отвлёк Людвига. Они добрались до Ханны.

– Я иду, – просипел он.

Она лежала на земле, но копьё из рук не выпустила. Кто-то на него напоролся и теперь с бульканьем оседал вниз. Ханна пыталась выбраться, но вокруг неё стояли другие.

Первого Людвиг рубанул так, что заболело запястье. Второй закрылся тесаком, Людвиг ударил и протянул клинок на себя, отрезая врагу пальцы. Третий убит классическим выпадом в грудь, именно такому удару мастер Рейм обучил в начале.

– Ты в порядке? – хотел спросить Людвиг, но вышло лишь сдавленное шипение.

Ханна смотрит на человека, что напоролся на копьё. Наконец, дочка старосты подняла голову. Лицо залито кровью, но кажется, что это не её. Людвиг подошёл поближе и склонился. Она не ранена, хвала Спасителю.

– Берегись! – крикнула Ханна.

Он обернулся, но увидел лишь толстую дубину, которая приближалась к лицу. В шее что-то хрустнуло, всё вокруг сначала померкло, затем стало слишком ярким.

Земля ударила в лицо. Меч выпал из рук. Затошнило. Слабость такая, что невозможно пошевелиться. Холодно и жарко одновременно. Где-то в глубине головы зародилась боль, будто кто-то забил туда раскалённый гвоздь.

Людвиг перевернулся на спину и застонал. Боль так силь-

на, что её невозможно терпеть. Капли дождя, уже совсем редкие, падают на лицо. Кровь заливает глаза, но Людвиг разглядел своего победителя. Голый по пояс мужчина собирается завершить начатое. На обвисшем волосатом пузе и груди видны уродливые язвы. Ханна пытается высвободить копье и мужчина это замечает и повернулся к ней. Людвиг хотел встать, но смог только захрипеть. Лучше бы враг убил его, а не её. Тогда бы боль ушла.

– Сдохни, сука!

Эйнар ударил голопузого по голове. Тот упал на колени и нордер рубанул ещё раз. Казалось, что сейчас он запаникует и оцепенеет, но северянин держал себя в руках.

– Спокойно, брат, – сказал Эйнар, склоняясь над Людвигом. – Ерунда, ты крепкий, оклемаешься. Твою башку так просто не пробить.

– Бегите, трусы! – где-то вопил Дитрих. – Ангварен!

Ханна стояла рядом, в её глазах слёзы. Людвиг улыбнулся. Она в порядке.

– Ерунда, – повторил нордер.

Он наклонился ближе и отодвинул прилипшие ко лбу волосы. Даже мягкие прикосновения отдавались болью.

– Вот же дерьмо! – Эйнар замер на мгновение, и полез в сумку, но не смог ничего достать, правая рука забилась в судороге.

Ханна вскрикнула. Людвиг хотел её успокоить, но провалился куда-то вниз, глубоко-глубоко.

Глава 7.12

Раскалённый гвоздь крепко засел в голове. Людвиг проснулся, но боялся открыть глаза. Гвоздь проворачивался даже от обычного вздоха. Почти как похмелье, но в сотни, тысячи раз хуже.

Голая спина чувствовала грубую ткань матраса. Людвиг медленно дотронулся до головы. Левая сторона перемотана толстым слоем бинтов. Он открыл не затянутый повязкой правый глаз и тут же сощурился от яркого света.

Он лежит на матрасе, в том самом домике, где живёт почти неделю. Эйнар сидит у стены, вытянув ноги. Руки и одежда испачканы кровью. Он тихо сопит.

Людвиг убрал грязную прядь волос, которая настойчиво лезла в глаза. Нужно попробовать встать, но только он шевельнулся, как будто кто-то ударил молотом по голове, забивая раскалённый гвоздь ещё глубже. Придётся звать на помощь. Губы с трудом разлепились, но сорванный голос почти не издавал звуков. Но Эйнар услышал и подскочил ближе. Грязное лицо осунулось, под глазами заметные тени. Странно видеть этого чистюлю таким.

– Выглядишь хуже, чем я себя чувствую, брат, – прошептал Людвиг.

Эйнар улыбнулся, хотя вряд ли разобрал этот слабый писк.

– Воды?

– Да.

Нордер осторожно наклонил кружку. Вода тёплая. Людвиг хлебнул слишком много и закашлялся. Гвоздь в голове провернулся.

– Не шевелись.

– Вот же меня приложили.

Голос чуть окреп. Затошнило сильно.

– Сколько я пролежал?

– Весь вечер, ночь и утро. Уже полдень.

– Ты мне полбашки перемотал. Сильно досталось?

Эйнар кивнул и отвернулся.

– Бывало и хуже? – спросил Людвиг, пытаясь улыбнуться.

Дурацкие волосы мешали смотреть и он убрал их рукой.

Нордер сидит с видом, будто опять обиделся. Переживает из-за битвы? Нет, что-то другое.

– Эйн, брат, слушай. Сделай мне, пожалуйста, дырку в бинте, а то одним глазом смотреть неудобно.

Эйнар не ответил, только громко сглотнул. Людвиг почувствовал холод в животе и попробовал подняться, но не смог.

– Что случилось? Скажи!

– Удар сильный. Сотрясение, – нордер кашлянул и продолжил глухим голосом: – Глаз повреждён. Я ничего не смогу сделать. Он не будет видеть.

Людвиг посмотрел в дальний угол, где какой-то паучок свил паутину. И не удивительно, учитывая, что никто из них

двоих здесь ни разу не убирался. У паучка много глаз, ему не страшно потерять один. Грудь заболела от спазмов, но вместо рыданий Людвиг начал смеяться. Сильно, с повизгиванием. Болезненный смех, который никак не мог остановиться. Из уцелевшего глаза лились слёзы, а гвоздь с левой стороны головы всё раскалялся и раскалялся.

– Ну надо же, – Людвиг продолжал хохотать. – Как у дедушки, тоже левый.

– Тише, Виги, – Эйнар держал его за руку.

Истерика не проходила, а боль становилась сильнее.

– Это же такая ирония, ты бы знал. Сука, как смешно. Представляю, чтобы сказал дед. Людек, внучок, когда вырастешь, обязательно будешь служить в Огненной кавалерии, а однажды сам станешь Одноглазым Демоном, как и я. Сучий потрох, как же это смешно.

Болезненный смех прекратился. Только слёзы бегут без остановки.

– Дай зеркало.

– Нету, – ответил Эйнар. – А даже если бы и было, под повязкой не увидишь. Смотрится плохо, можешь мне поверить.

Нордер всё держал его своей дрожащей рукой. Людвиг набрался смелости и спросил:

– Он вытек?

– Остался, но скоро помутнеет. Я истратил всю мазь, чтобы хоть немного снять боль.

– Не очень-то и помогает.

Людвиг всё смотрел на паутину.

– Я же это заслужил. Надо было тебя слушаться, не встряли бы в эти беды. Всё из-за меня, Эйн. Зря я тебя не послушал.

– Ты правильно сделал, – отозвался Эйнар. – Что бы ни случилось, ты всё делаешь лучше, чем я. Может, хоть с тобой я начну поступать правильно. Это всё из-за... – он зажмурился и отвернулся. – Тебе надо спать. Сколько получится.

На последней фразе голос дрогнул. Если ещё и нордер расклеится...

– Вытри глаза, тебе не идёт. Пусть среди нас двоих лучше я останусь плаксой, хорошо?

– Хорошо, Виги.

– Мне надо встать. Вдруг они опять нападут?

– В таком виде от тебя мало толку.

– Спасибо за честность. Унесёте меня на носилках, буду драться лёжа, – Людвиг через силу улыбнулся. Лучше улыбаться, чем рыдать. Не так больно.

Эйнар улыбнулся в ответ.

– Спи.

Людвиг закрыл глаз, но с этим гвоздём уснуть невозможно.

– Что в деревне? Сколько погибло?

– Восемь в бою. Трое после. Трое не доживут до вечера. Ничего не мог сделать, я же только вывихи вправлять умею,

да повязку наложить. Ещё с десятков раненых, некоторые тяжёлые. Одному пришлось отрезать руку. Мазь ведь кончилась, пошло заражение.

Эйнар будто оправдывался.

– Ты сделал всё, что мог. А разбойники?

– Погибло намного больше. Но и отступило немало. Больше, чем нас осталось.

– Дерьмо. А что...

– На Ханне ни царапинки.

Людвиг улыбнулся. О ней стоило спросить с самого начала.

– Всё, спи.

– Тебе бы самому поспать, Эйни.

– Если бы была возможность, – нордер вздохнул.

Дверь открылась, и они посмотрели на вошедшую. Ханна улыбнулась, но её печальные глаза блестели. Оба глаза.

– Проверю раненых, – Эйнар поднялся и ушёл.

Бросил его одного. Людвиг смотрел на Ханну и чувствовал, как накопленная решимость уходит. Он опять слабенький и всего в шаге от того, чтобы зарыдать. Она села на край матраса.

– Всё будет хорошо, Эммерик.

Слёзы брызнули из глаза. Она даже не знает его настоящего имени. Но больше лгать нельзя. Она должна знать правду, чем бы это ни закончилось. Хуже не будет.

– Не Эммерик, – сказал он. – Меня зовут Людвиг. Я ры-

царь... рыцарь Огненной кавалерии Эндлерейна. Красный плащ.

Ханна не ответила. Эти секунды длятся как часы, но Людвиг только рад, ведь она ещё рядом. Сейчас она уйдёт и все узнают правду. Пусть. Тогда боль прекратится.

– Почему ты тут? – спросила Ханна.

– Я пытался пробраться к своим. Но не смог пройти мимо... столько зла совершил... я хотел его искупить... – слёзы продолжали бежать. – Я боялся... я трус. Это всё моя вина. Я лишь хотел...

– Тише.

Она легла рядом. Он почувствовал её тёплое дыхание.

– Это наша вина. Это мы совершили зло и расплачиваемся за него. И тебе тоже пришлось, хотя ты тут ни при чём.

– Почему?

– Не надо слов. Спи и набирайся сил.

– Я боюсь засыпать, – Людвиг всхлипнул.

– Я посторожу твой сон, – прошептала Ханна ему на ухо, отчего по телу пошла приятная дрожь. – Людвиг?

– Да?

– Ты искренен. В отличие от всех. И меня. Поэтому ты так нам нравишься. Теперь спи.

Он хотел ещё поговорить, но в её объятиях всё стало неважным. Он уснул.

* * *

Умерло ещё двое. Один из них – парень, что постоянно

выбивал себе плечо. И который принёс пиво за час до боя. Раненые лежали на подстилках и смотрели на Эйнара, но он ничем не мог помочь, слишком мало он умел. Не может вернуть глаз Людвигу. Не может помочь раненым выжить. Не смог спасти Ульфа и Берну. Погубил Хенрика.

– Почему он умер? – закричала незнакомая женщина и ударила по щеке.

Лицо онемело и тут же прилетела следующая пощёчина. Эйнар не сопротивлялся. Уцелевшие жители собрались вокруг. Сейчас начнутся обвинения, что не смог спасти всех. Но он ошибся.

– Успокойся! – сказала жена бородатого лесоруба, держа кричащую за руку. – Он не виноват, что твой муж погиб. Никто бы не смог его спасти.

Они обнялись и долго так стояли, рыдая. Муж одной умер только что. Муж другой, тот весёлый бородач, которому Эйнар лечил руку, погиб в бою. Вспомнился вкус мясного пирога, что парочка принесла в благодарность.

– Спасибо вам, – пробормотал какой-то человек с перевязанной бедром.

Эйнар даже не помнил его, настолько всё смешалось в памяти. Перед глазами стояли эти две женщины, утешающие друг друга. Он сел на скамье снаружи. Кто-то подал миску с похлёбкой. Кажется, это была жена старосты. Странно, что не ругалась.

Эйнар не знал по именам почти никого из жителей де-

ревни. Большинство из них раньше смотрели на него с холодом. Но сегодня, когда все должны начать его ненавидеть за то, что он не спас умирающих, всё изменилось. Будто он им небезразличен. А они ему. Но скоро начнётся последняя атака, которую никто не переживёт.

– Ох, ну мы и в дерьме, – сказал рыцарь Дитрих, подходя ближе. – Вроде победили, а кажется, что проиграли. Говорят, в Старом мире для такого было целое выражение, но я его не помню.

Рыцарь-предвестник хромал сильнее обычного. Стальной панцирь погнут в нескольких местах, а флаг сзади надломлен. Дитрих так и не почистил булаву. Кровь засохла, к стальному зубчику прилип длинный волос.

– Как сэр Эммерик?

– Жить будет. Но один глаз ослеп.

– Жаль. Он совсем молодой, хоть и прошёл через многое. Говорят, что шрамы красят мужчину. Но это ложь. Я зайду к нему.

– Он спит, – сказал Эйнар. – Ему надо отдыхать.

– Да, точно, не подумал. – старый рыцарь смутился. – Без него нам будет тяжело. Но вы себя хорошо показали. Много плохого слышал о нордерах, но вы достойный человек.

Ветер доносил молитву слепого проповедника. Кладбище у деревни расширялось. Сначала там были упокоены погибшие от ран островитяне, брошенные своими. Потом туда положили скелеты из убежища, а теперь хоронят лесорубов и

разбойников, всех вместе. Мертвецы хорошо ладят с другими мертвецами. Почему живые так не умеют?

Эйнар поставил пустую миску на скамью. Поел, даже не чувствуя вкуса. Пора проведать Людвига. Вряд ли получится застать их с Ханной на чём-то постыдном, не в том они состоянии.

– Как молодой господин? – спросил староста, перегоравшая живая путь.

– Жить будет.

– Хвала Спасителю! – воскликнул мужчина. – Мы молимся за здоровье милорда день и ночь. Если бы не он... Спаситель послал его к нам, несмотря на наши грехи. Его и вас.

– Меня?

– Да, вас, господин Губерт. Мы о вас плохо думали, а вы стольким помогли. Без вас было бы хуже. Спасибо вам и простите.

Староста снял шляпу. Ульрих, так его зовут. Нужно запоминать их имена.

– Пожалуйста, – сказал Эйнар. – Я пойду.

– А моя дочь с ним?

– Если ты что-то хочешь ей сделать, то...

– Я просто хочу ей добра. Если она так выбирает, это её решение. Скоро всё закончится, и они расстанутся навсегда. Но это её решение и наша боль. Храни вас Спаситель, господин.

Староста махнул шляпой и ушёл. Эйнар посмотрел ему

вслед. Ульрих прав. Скоро всё закончится, так или иначе.

Они ждали нападения остаток дня и всю ночь. Разбойники не появились, но в том, что они нападут ещё раз, теперь никто не сомневался. Утром Дитрих пришёл к Людвигу проводить совет, вместе с несколькими селянами, наиболее умелыми в бою. Эйнар менял повязку и остался.

– Разбойники потеряли больше половины, – сказал Дитрих. – Но их всё равно слишком много.

Людвиг терпел, пока Эйнар промывал ему рану. Рыцарь даже улыбался, когда говорил с остальными. Они немало этому обрадовались, но Эйнар видел, чего это стоит парню. Людвиг протянул руку, пытаясь взять кружку с отваром, но пальцы начали смыкаться чуть раньше, и она опрокинулась. Все сделали вид, что не заметили.

– У них были свежие люди – продолжал старый рыцарь. – Если у них есть ещё резерв, будет плохо. А если это все, кто остался... заманим их в центр и нападём со всех сторон?

– Рискованно.

Эйнар наложил на синее опухшее веко кусок тряпицы, на которую нанёс выскобленные из пузырька остатки мази, и закрыл всё бинтом. Смотреть в налитый кровью глаз с потускневшим зрачком очень тяжело, парень этого не заслужил. Зачем он отдал свой шлем?

– Эх, я поторопился, – Дитрих вздохнул. – Рано мы ослабились. Нужно было ждать ещё хотя бы неделю. Рано.

Моя вина, тут нечего спорить.

– Никто не знал этого, Дитрих, – сказал Людвиг. – Но теперь надо не жалеть о случившемся, а думать, как выстоять. Нужна разведка.

А ведь всё не из-за того, что парень вспылит в убежище Анхеля, а потому что Эйнар неправильно выбрал путь, в чём так и не признался. Будто упёртость и обвинения других в своих ошибках снимут вину за то, что случилось давным-давно. Из-за него парень потерял глаз. И надо это искупить.

– Я пойду в ущелье.

– Нет! – Людвиг дёрнулся, как от удара. – Не надо.

– Слишком опасно, мой друг, – Дитрих почесал усы. – Если вас поймают... легко не отделаетесь.

– Кроме меня некому. Лесорубы те места и так не знают, а я хожу быстро и бесшумно.

Не совсем бесшумно и не так быстро. Но другого выхода нет.

– Нет, Э... нет, тебя нельзя, – Людвиг вспотел.

– Это лучше, чем сидеть и ждать. Когда они нападут в следующий раз? Через неделю? Сейчас? Может их там целая армия? А может они вообще умирают? Давно пора было это сделать.

– Тут вы правы, господин Губерт. Давно пора. Я за. Но будьте осторожны. Когда выходите?

– Сейчас. Вдруг вечером они атакуют.

– Надо было сразу идти с тобой, – Людвиг почесал горло. – Вы позволите мне поговорить с другом наедине?

– Да, конечно.

Дитрих и остальные вышли.

– Они не ждут у порога? – спросил Людвиг.

– Нет.

– Точно? Закрой дверь. И подойди.

Эйнар сел рядом. Островитянин огляделся, закрыл глаз, уткнулся ему в плечо и расплакался.

– Как же я устал, – сказал Людвиг через слёзы. – Но если раскисну при них, то всё пропало. Приходится показывать, что сильный, говорю им то, что они хотят услышать. А я хочу быть собой, просто лежать и хныкать. Я даже кружку не могу взять. Для меня всё кончено, Эйни. Мастер Рейм говорил, что надо верить своим глазам, но оставшийся меня обманывает.

– Ещё привыкнешь, – Эйнар обнял его. Осторожно, чтобы не причинить боли. – Живут же люди с одним глазом.

– Не в этом дело. От меня все чего-то ждут. Все, кроме тебя, брат. Только при тебе я могу быть собой. И вот, ты уходишь.

– Сам знаешь, что это нужно.

– Я знаю, но от этого не легче. Как же я устал. Береги себя. Без тебя я не дойду до конца.

– Дойдёшь. У тебя есть Ханна.

– И скоро я с ней расстанусь, – парень всхлипнул и вытер

глаз. – Опять сбегу, как уже доводилось.

Эйнар накинул сумку на плечо и вытащил капсулу.

– Пусть полежит у тебя.

– Твой кантар?

– Да. Оружие, как же. Беспольный кусок говна. Если я не вернусь...

– Что с ней сделать?

– Выброси, утопи, закопай, да что хочешь. Пусть лучше исчезнет, чем попадёт не в руки.

– Ты уверен?

– Теперь да.

– Забрось в мою сумку, – Людвиг опустил на подушку. – Как же я хочу пойти с тобой.

– Ты с кровати едва встаёшь.

– Это правда, – он шмыгнул носом. – Лучшего спутника и не придумать. Но можешь понести меня на руках, а когда попадёшься, швырнёшь меня в преследователей, чтобы я их задержал.

– Неплохая идея.

– Тебе бы то кольцо, помнишь? Надел бы его и стал невидимым.

– Нет, я бы тогда спрятался в какой-нибудь пещере и сидел там годами.

Они засмеялись. Эйнар протянул кулак, Людвиг попытался стукнуть, но промахнулся.

– Дерьмо Вечного, – шепнул он и обхватил ладонь Эйнара

двумя руками. – Возвращайся, Эйни.

– Вернусь, островитянин. Удачи.

– Тебе она важнее, нордер.

Межер затрещал не сразу, а только когда Эйнар углубился в ущелье. Жёлтый уровень, не смертельно, но и не полезно, особенно если задержаться на несколько дней. Как же разбойники здесь живут?

Эйнар поправил выпрошенную у деревенских маску и пошёл дальше. Читать следы он не умел, но тут всё видно и так. Разбойники отходили толпой и несли раненых с собой. Путь можно проследить по примятой траве, сломанным веткам и крови. А крови здесь много.

Вот и первый покойник, старик с впалыми щеками. Он так истощён, что его руки тоньше древка топора, который он сжимает. Обычный топор дровосека. Украли у лесорубов? Чуть дальше лежит молодой мужчина, его ровесник. Эйнар ранил парня сам. Рана неопасная, но он всё равно умер.

Погибших становилось больше. Яростная атака стоила многих жизней, решатся ли разбойники ещё на одну? Почему они вообще нападают? Следы крови терялись, а радиация усиливалась, приборчик иногда моргал красным. Эйнар остановился, пытаюсь понять, куда идти. Кто-то тронул его за локоть.

– Мать твою. Васур, сука, я чуть не поседел.

Парнишка-поводырь скромно потупился в землю. С его

подкрадыванием можно свихнуться. Кто только не жаловался священнику, но всё без толку, Васур пугает по-прежнему.

– Что ты здесь делаешь? Иди-ка назад! Тут опасно.

Паренёк не шелохнулся. Эйнар заметил шрам на шее, который раньше принимал за грязь. Неприятная рана, чудо, что не смертельная.

– Ты знаешь, что здешним воздухом нельзя дышать?

Поводырь закивал, но маску брать не стал.

– Как хочешь, – Эйнар напялил её назад. – Это опасно, ты понимаешь, да? Даже для погонщика боевых машин. Вы все такие странные? Хотя, зачем я спрашиваю? Знаю же, что да.

Зря он разболтался. Они уже достаточно углубились и здесь могут напасть из любого куста.

– Так что иди назад.

Васур показал пальцем на землю и потянул Эйнара за руку.

– Что ты хочешь? Умеешь читать следы, да?

Паренёк улыбнулся и закивал.

– Ну, пошли. Вот только есть что-то начнётся, то сразу беги. Я-то точно побегу, так что не отставай.

Глава 7.13

Они лежали рядом. Людвиг вспоминал, что совсем недавно мечтал, как бы неплохо оказаться с Ханной в кровати, а не на пыльных мешках в сарае. Вот и это желание исполнилось, правда, не совсем так, как хотелось.

– Ты встревожен, – шепнула Ханна и положила руку ему на грудь.

– Немного, – он выдохнул и накрыл её ладонь своей.

– Сильно болит?

– Нет.

– Вижу, что болит.

Людвиг смотрел в угол, где совсем недавно висела паутина. Девушка быстро навела порядок и даже прогнала паучка.

– И куда ты пойдёшь, когда всё кончится?

– На север, в Лефланд. Оттуда в Стурмкурст, к своим.

– Это безопасно?

– Нет, но другой путь ещё опаснее. По нему мы уже шли.

– Будешь воевать?

– Посмотрим. Мне хватило войны.

– А у тебя есть... – Ханна замялась. – Невеста?

– Не-а.

– Не врешь. Странно. Такому красавцу нельзя быть одному.

– Красавец? – Людвиг хмыкнул. – С такими шрамами?

– Они тебя не уродуют. Ой, а я забыла. У меня есть кое-что для тебя.

Она нагнулась к своим вещам. Людвиг засмотрелся.

– Вот, держи.

Ханна показала чёрную повязку для глаза.

– Носи и все женщины будут вздыхать при виде тебя. Если ещё и такой хрип останется, то они точно твои, можешь поверить на слово.

– Спасибо.

– А если бы ты потерял ногу, я бы подарила пару сапожек.

Она засмеялась и легла в кровать, обнимая его. Людвиг и до этого потел, а сейчас стало невыносимо жарко.

– Я бы так вечно лежал, – сказал он. – Но нужно вставать.

– Тебе нельзя.

– Придётся. Скоро они придут. Лучше встретить их стоя.

Подняться получилось легче, чем он думал, но голова закружилась уже через пару шагов. Гвоздь, который Людвиг так явственно себе представлял, начал нагреваться.

– Больно?

– Терпеть можно. Помоги надеть броню.

– А ты выдержишь?

– Она нужна. Почему-то все разбойники постоянно бьют в кирасу, только один догадался ударить в голову.

Он засмеялся и поморщился от резкой вспышки боли.

– Побудешь моим оруженосцем?

– Конечно, сэръ рыцарь. А ты бы взял меня на войну?

– Если бы ты была в моей палатке, я бы тогда вообще не вышел в бой. Ни в один.

Людвиг устал ещё до того, как на него напялили кирасу. Слишком слаб, но придётся драться и в таком состоянии. Ханна подала меч. Мастер Рейм не умел отличать зло от добра, но просил подумать, будешь ли жалеть о том, что использовал это оружие или не использовал. Остаётся надеяться, что жалеть не будет.

– Ты говорила что-то, – вдруг вспомнил он. – Что-то про зло и расплату.

– О чём ты? – удивилась она. – Не помню ничего такого.

– Значит, приснилось.

Он переоценил свои силы. Без посторонней помощи Людвиг едва дошёл до скамейки под окном.

– Может, поешь? – спросила Ханна. – Я приготовлю бульон.

Людвиг только кивнул и поморщился. Гвоздь, забитый в голову, пульсировал.

– Я мигом. А ты сиди.

Будто оставались силы на что-то ещё, кроме дыхания.

– Свежий воздух пойдёт тебе на пользу, – Дитрих сел рядом. Кончики роскошных усы грустно смотрели вниз.

– Как нога?

– Болит, – рыцарь-предвестник поморщился. – К дождю. Опять нарушит все планы. Всё же хочу заманить их в центр

деревни и обстрелять со всех сторон, из окон. Другого способа победить нет. Твой друг до сих пор не вернулся.

Солнце шло к закату. Зря они отпустили Эйнара.

– Если ударим разом, то победим. Хотя без твоей помощи будет сложно.

– Скажи лесорубам, чтобы сколотили кресло с шестами, – Людвиг через силу улыбнулся. – Четыре человека понесут меня в бой, а я буду рубить сверху.

– Я могу сказать им, чтобы...

– Я шучу.

– А, – протянул Дитрих. – Не дошло, голова забита. Всё боюсь грядущего.

– Я тоже.

– Я боялся каждой битвы, в которой участвовал. Но приходит ярость и страх отступает. Это ненормально и неправильно. Но одно я знаю точно, мой друг. Мне есть кого защищать. Эти люди ждут помощи любой ценой, а я им её обещал. Не забывай и сам об этом.

– Хорошо.

Людвиг немного подремал. Ханна принесла чашку с бульоном, но идея поесть оказалась не самой лучшей, почти всё выходило назад.

– Поешь попозже, – она протёрла ему рот. – Полежишь?

– Нет, мне нужно прийти в себя. Давай прогуляемся.

Пришлось опираться на её плечо. Всё же надо было полежать. Но силы понемногу возвращались.

– Ты так и не закончил ту историю.

– На чём мы остановились?

– На осаде, – вспомнила Ханна. – Когда армии зла пришли в белый город.

– Уже недолго осталось.

Они прошли мимо священника, который что-то рассказывал испуганным детям. При мысли, что у некоторых теперь нет родителей, становилось грустно.

– И чтобы не произошло, – донёсся голос слепца. – Спаситель не даст вас в обиду. Может, он и не всегда реагирует, но по-настоящему большого зла он не допустит, я обещаю.

Людвиг остановился, чтобы отдышаться.

– Решил послушать проповедь? – Ханна улыбнулась.

– Нет, я уже выспался.

В животе заурчало.

– Поешь?

– Нет.

– Ты такой худой, тебе надо есть. Как тебя ветер не уносит?

– Из-за доспехов. Но ладно, давай.

– Я быстро. Сейчас, посажу тебя на лавочку.

– Я сам.

По пути Людвиг чуть не упал, но пара лесорубов его подхватили и довели. Прошёл несколько шагов, а вспотел так, будто бежал с самого утра. Но люди улыбались, глядя на него, вот и приходится скрывать боль. Тогда в глазах окружа-

ющих появлялась надежда. Но как же сложно играть в несгибаемого командира.

Священник, стучащий по земле палочкой, добрался до скамейки и сел. Поводыря рядом с ним нет.

– Тяжёлая ночь, да?

– Да, – ответил Людвиг. – Помолитесь за нас, святой отец.

– Нет смысла. Я давно не верю в Спасителя.

– Тогда зачем вы проповедуете?

– Однажды я был знаком с одним человеком. Он раньше не жил в этом мире, но очень хотел побольше о нём узнать. Ему нравилось помогать людям и он всё укорял меня за цинизм и злобу, – старик ухмыльнулся. – Что я заперт в своей клетке, из которой не вижу ничего и не хочу видеть. Мы все заперты в наших клетках из страха, ненависти, вины и лжи, и не хотим выбираться из них. Этого человека не стало, но перед смертью он попросил, чтобы я разрушил свою клетку и попытался сделать мир хоть чуточку лучше.

– Проповедями?

– Не только. Я не верю в Спасителя, но иногда его именем можно предотвратить большое зло. Я видел это, – священник нахмурил брови. – Если будешь смеяться, как твой придурочный друг, я тебя стукну.

– Не надо, – сказал Людвиг. – Мне уже досталось.

– Я вижу, – старик хмыкнул. – Но вместо молитвы пожелаю вам удачи. От этого тоже мало пользы.

Глава 7.14

Васур умел читать следы и ходить совершенно бесшумно. Но что толку, если он то и дело мчится вперёд, как невоспитанный охотничий пёс? Грязная соломенная шляпа мелькает слишком далеко, его уже не окрикнуть, не подняв на уши половину ущелья.

– Да что ты себе позволяешь? – отчитал его Эйнар, когда поводырь соизволил остановиться. – Возвращайся, бегом!

Васур и ухом не повёл, только показал на видимые лишь ему одному следы.

– Нет уж. Беги назад, дальше я сам.

Хоть бы никто не услышал перепалку. Поводырь капризничает, как ребёнок. Хотя он и так почти ребёнок, но если его поймают, то это не поможет. Да и вряд ли после случившегося разбойники пощадят хоть одного ребёнка в деревне.

– Я с тобой в догонялки играть не буду, – продолжил Эйнар. – Ноги в руки и бегом назад!

Васур опустил голову и побрёл с понурым видом. Но вскоре вернулся и начал дёргать за руку.

– Да я же тебе... мать твою...

Вооружённые люди выходят из-за деревьев. От них смердит потом и кровью. Многие в засохших повязках. Мужчины, женщины, старики и подростки, почти обессиленные. Но их глаза светятся ненавистью.

– Лазутчик, – пробормотал один из них, с закрытым опухшим веком.

– Я его помню, – сказал какой-то юнец, хотя из-за уродливой раны на лице сложно определить возраст. – Это он меня ударил.

– Он убил моего сына.

Копья со ржавыми наконечниками приближаются, но у некоторых острия и вовсе нет, лишь обожжённый на огне кончик. У одного человека кирка шахтёра, парочка вооружены топорами лесорубов.

Эйнар раскрыл щит, но это никого не напугало. Что-то укололо в спину, пробивая жилет, но застревая в броне. Деревянный наконечник самодельного копья ткнул в бедро, но удар настолько слабый, что не пробил плотную штанину.

Васур сел на землю и зажал голову руками, а Эйнар отбивался щитом. Люди хоть и ослабли, но рано или поздно они закончат своё дело.

– Прекратите! – раздался уверенный хриплый голос.

– Не вмешивайся! Это убийца!

– Стоять!

Вожак разбойников не надел шлем. Лицо покрыто вонючими струпьями и ранами, из которых течёт сукровица. Кольчуга проржавела насквозь, через дыры в доспехе видна прелая одежда и нездоровая кожа. Он едва стоит на ногах, но его глаза блестят и с любопытством осматривают Эйнара.

– Ты обещал нам! – крикнул один из разбойников.

– Я обещал вам жизнь и нарушил слово, – сказал вожак. У него знакомый выговор. – Теперь я обещаю покой и многие из нас получают его завтра.

– Нам нужно его убить! Зачем он пришёл к нам? Вынюхивать? Он узнает об атаке!

– А есть разница, знает он или нет? Я решу его судьбу, но сначала мы поговорим. Нельзя питать недоверие, ведь оно и погубило нас.

Разбойники опустили оружие.

– Он не из деревенских. Его не было в первый раз, как и второго рыцаря.

– Он наёмник!

– Откуда у пепельников деньги на наёмников?

– Он в маске! Пока мы умираем, он даже боится вздохнуть!

– У них ещё два рыцаря!

– Теперь уже один, – кто-то засмеялся.

– Почему ты убиваешь нас и рискуешь жизнью сам? – спросил вожак. Если присмотреться, ему ещё хуже, чем казалось сначала. Он умирает. – Это не твоя земля, а ты не лесоруб, как остальные. Ты убиваешь нас из-за денег?

– В этих местах не так холодно, как дома, брат, – Эйнар произнёс старинное приветствие на родном языке.

Воин улыбнулся, обнажив остатки разрушенных гнилых зубов.

– Ты ют? – спросил он.

– Да. А ты?

– И я. Моё имя Скуле Бьёрнсон и я был навигатором в своём клане, – Скуле говорил медленно, будто отвык от родного языка. – Но я обязан предупредить – я изгой.

– Я тоже, – сказал Эйнар. – И тоже был навигатором. Только недолго.

Он показал мизинец на левой руке, а Скуле показал свой. Ноготь грубый и грязный, но ключ ещё видно.

– Навигатор? Ну надо же? Широта Лизарда?

Эйнар задумался.

– Сорок девять градусов пятьдесят... пятьдесят шесть минут северной широты.

– Пятьдесят семь минут, – воин рассмеялся. – Два изгоя умирают на чужой земле. Но я убил брата, поэтому заслуживаю презрения.

– Я... дрался в поединке против человека младшего брата и проиграл, – Эйнар попробовал сглотнуть твёрдый комок. – И убил старшего.

Впервые признался в этом. Но не тому, кто должен знать. Правая рука задрожала. Скуле кивнул и произнёс на южном наречии:

– Мы не тронем тебя.

Люди зароптали.

– Я хочу, чтобы он видел, с кем сражается.

– А второй?

– Второй безобидный и не причинял вам вреда, – ответил

Эйна́р. – В отличие от меня.

Васур так и сидел, озираясь по сторонам.

– Пусть он тоже посмотрит, – сказал Скуле. – Как твоё имя, брат?

– Эйна́р Айварсон.

– Иди за мной, Эйна́р Айварсон. Ты не ответил на вопрос. Почему ты убиваешь нас? Что плохого мы сделали тебе?

– Ничего. Но мой друг сказал, что хочет защитить эту деревню. А я хотел помочь ему, как он помогал мне.

Скуле остановился.

– Похвальный поступок, ведь для этого и нужны друзья. А я поклялся спасти этих людей, но нарушил слово. У нас разные цели, брат Эйна́р, совсем разные.

– И какие у тебя цели?

Скуле поднял руку, приглашая идти дальше.

– Когда меня изгнали, я пришёл в южные земли. Как навигатор, я хорошо разбирался в древней технике и стал антрубером. Но теки хранятся в руинах, где полно радиации. Или как её тут называют, проклятие Старого мира.

Он засмеялся.

– Я спускался в очередную дыру в земле, где меня чудом не уничтожил какой-нибудь Страж или ловушка, поставленная каким-нибудь шутником пятьсот лет назад, а потом блевал кровью от заражения. Наконец, мне надоело и я пришёл в эти леса, где живу уже несколько лет. Поэтому я такой красавчик.

Скуле опять засмеялся. Слишком часто он смеётся.

– Не лучшее место для жизни, – сказал Эйнар.

– А кто говорил о жизни?

Вожак хохотал так долго, что закашлялся. Из рта летели сгустки крови, но бывший навигатор вежливо отворачивался.

– Всё смотришь на свой межер? – спросил Скуле. – Я и сам знаю, что тут нельзя долго жить. В деревне лучше, есть чистая вода, а ветер не доносит ядовитую пыль, всё остаётся здесь. Там жили хорошие люди. Лесорубы иногда давали мне еды и воды, чтобы моё тело протянуло ещё немного. Я не заслужил быстрой смерти и должен был сполна насладиться агонией. Деревенские жили к югу от ущелья, а на севере начинались земли Детей Левиафана. Впрочем, когда я пришёл сюда, они и были детьми. Вот только генералы почему-то забыли, что дети растут. Добро пожаловать, брат. Это теперь наш дом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.